

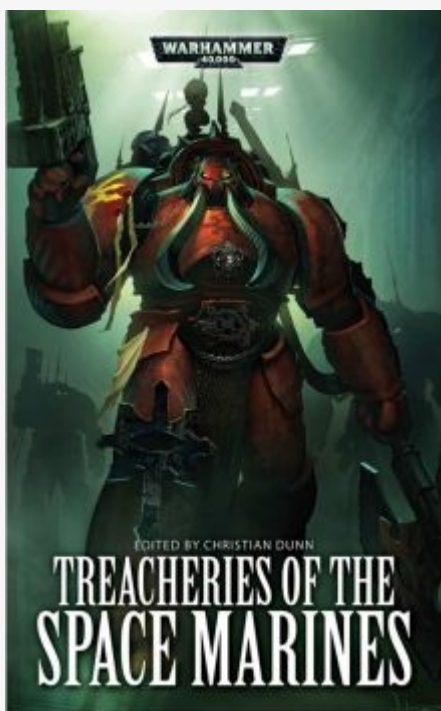
Делайте ставки, господа / The Masters, Bidding (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Делайте ставки, господа / The Masters, Bidding (рассказ)

Автор	Мэттью Фаррер / Matthew Farrer
Переводчик	Dammerung
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Предательства Космического Десанта / Treacheries of the Space Marines
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Было это во время между третьим и последним Ваагхом! Унгскара и войнами, которые Империиум прозвал Бедствиями Серой крови. Ченгрел из Железных Воинов встречал четырех гостей в своем доме-крепости, что среди разоренных миров Залива Митры.

Из машин, приземлившись у внешних стен, появилась диковинная процессия. Ченгрел наблюдал за нею с мрачной подозрительностью, хотя сам пригласил этих гостей. Их пути можно было проследить по диким, кричащим цветам Детей Императора и царственным, но столь же ослепительным одеяниям Тысячи Сынов. Повелители Ночи скрывали свои доспехи под плащами и хранили молчание, но Несущие Слово гордо вздымали знамена и громко распевали нестройные религиозные гимны. Ченгрел пристально глядел на них всех, что собрались на площади, выстроенной им для встречи, и обменивались оскорблениями и похвальбой.

Они приземлились в огромном кольце укреплений, которое Ченгрел возвел на захваченном им мире, в месте, созданном им ради демонстрации собственной мощи. В полукруге у восточных стен он возвел каменные зиккураты, увенчанные посадочными платформами, и устроил широкие поля, где новоприбывшие могли установить свои шатры. В центре кольца лежали руины древнего имперского поселения, а в этих руинах, под сенью узловатых мертвых деревьев, находилась площадь собраний как раз такой величины, чтобы Ченгрел мог принимать там только самых выдающихся гостей. Ее окружала стена с аркой, куда должны были друг за другом пройти гости, и там возвышалась каменная платформа для самого Ченгрела, откуда он мог бы обращаться к ним.

Свое жилище Ченгрел создал из орочьего корабля-налетчика, который рухнул на поверхность планеты во время самой яростной битвы Вааагха!, много лет назад. Он вычистил изнутри корпус, огромный, как курган, пробурил скальную породу под ним и наполнил освободившееся пространство казармами, кузнями и батареями. Носовой таран превратился в высокие сводчатые ворота и широкую галерею, по которой Ченгрел выводил своих воинов, когда желал поохотиться или отправлялся на войну.

Когда Ченгрел впервые осматривал этот рухнувший корабль, он обнаружил неожиданное сокровище. В сетке из тонких алмазных нитей лежала целая дюжина камней величиной с кулак. У всех плавная округлая форма – будто яйцо, поверхность такая гладкая, что рука по ним будто скользит, а цвет – насыщенный, ослепительный красный, будто они горят. Ченгрел точно знал, что ему попало, но не как они оказались здесь. Неужели эльдары позволили, чтоб столько камней душ угодило в лапы орков? Или камни, уже сорванные с мертвых владельцев, приглянулись оркам, когда тот, кто их собрал, в свою очередь стал трофеем? Неважно. Хотя сам Ченгрел вряд ли мог найти им применение, он знал многих, кто считал эти камни подлинно драгоценными, и поэтому он выслал герольдов.

Ради четырех отозвавшихся. Это уязвляло его гордость. Конечно, Ченгрел не ждал, что на все его призывы ответят. Некоторые герольды не смогли найти адресатов среди бурь Ока Ужаса или на вечных дорогах войны, проторенных легионами-предателями. Другие вернулись с отказами, а третьи и вовсе не вернулись. И все же, лишь четверо. Может быть, другие легионы сговорились, чтобы обесславить его и оставить в одиночестве? Что за враги строят планы против него?

С такими мыслями он спустился из своей крепости, чтобы приветствовать гостей.

Господин Ченгрел был старым Железным Воином, который заработал свои шрамы и почести при стенах Имперского дворца в последние, наполненные ужасом дни Ереси Гора. Тысячи лет, проведенные в сражениях Долгой Войны, не прошли даром для его тела, содрав с него плоть, а затем сломив и сменившую ее сталь. Теперь то, что осталось от Ченгрела, плавало в густом растворе из плоти в нутре огромного четвероногого дредноута, построенного по его собственному проекту. Его лицо, чудесным образом не отмеченное войной, но раздутое и пухлое, как у младенца, глядело на свет из бронестеклянной полусферы, встроенной в переднюю часть машины, глазами, которые шевелились так, будто глазницы кишели червями.

И сейчас эти глаза видели четырех эмиссаров, входящих на площадь, каждый из которых держался так, чтобы продемонстрировать превосходство, высокомерие и мощь. Ченгрел загодя расставил для гостей выстроенные дугой железные кресла, украшенные мрачно сверкающими самоцветами и угловатым орнаментом, и теперь каждый, без слов отдав дань уважения хозяину, занял свое место.

Левее всех восседал Ходир из Повелителей Ночи, облаченный в помятые, выдавшие виды доспехи, поверх которых был наброшен плащ из блестящих черных перьев. Время от времени светящиеся белоголубые полосы с шипением выползали из плаща и змеились по пластинам брони. С обоих бедер свисало по плетеной кожаной веревке с прикрученными проволокой скальпами врагов, и веревки тянулись за ним длинными хвостами, куда бы он ни шел. Сев, он подобрал их, сложил кольцами у ног и поглаживал скальпы, будто они были его домашними зверьками.

Справа от него, второй в полукруге, был Эммеш-Аийе из Детей Императора, известный разбойник и растлитель нравов. Кожа Эммеш-Аийе была бледной и морщинистой из-за невральных клещей, которыми он сам себя заразил на каком-то непролазном мире смерти, чтобы те все время болезненно стимулировали его нервы. На нем был нагрудник из отполированного до слепящего блеска серебра, по всей поверхности усеянный зазубренными крючьями и металлическими терниями невероятно тонкой работы. Язык, вытянутый изо рта, был насажен на эти шипы, чтобы он мог, встряхнув головой, почувствовать, как рвется нежное мясо, и насладиться этим ощущением.

Третьим был Несущий Слово Драхмус, который поставил перед своим креслом медную чашу с дымящимся пеплом – свой личный талисман. Это были горящие кости одного из Адептус Астартес Имперума, побежденного, но отказавшегося присягнуть Губительным Силам, коим служил Драхмус. Обработанные особым образом кости могли тлеть в чаше вечно, но так и не сгореть до конца. На левом наплечнике древнего темно-красного доспеха Драхмуса сидела крошечная горгулья, чье брюшко сплошь состояло из блестящих механизмов и шестеренок, а конечности и голова – из демонической плоти. Существо держалось за один из громадных стальных рогов на шлеме и тихим скрипучим голосом нашептывало отрывки из писаний Лоргара.

Полукруг замыкал четвертый, кто сидел справа от Ченгрела – Кхров из Тысячи Сынов. Он прибыл в одиночестве и объявил себя посланником нескольких лордов-чернокнижников, к которым Ченгрел направил герольдов. Кхров был одет в вычурном стиле своего легиона: доспехи и мантия сияли синим и золотым, поверх них была наброшена накидка густого лазурного цвета с каймой, мерцающей всеми цветами, какие только мог распознать глаз, и неопишутыми оттенками варпа. В одной руке он бережно держал длинный адамантовый посох, пронизанный нитями психореактивного кристалла и увенчанный большим темным сапфиром.

Голова Ченгрела покачивалась в маленьком выпуклом окошке, когда он переводил взгляд с одного на другого, и его недовольство не утихало. Он твердо решил, что сразу даст понять, кто здесь господин над господами, и так обратился к другим легионерам:

- Внемлите моим словам, родичи по крови, братья-чемпионы своих легионов! Вы прибыли к Ченгрелу, что рожден был сыном давно разоренной Олимпии, а выкован кровным потомком великого Пертурабо, славного мощью среди всех примархов! Назван Железным Воином в Великом крестовом походе прошлого и назван предателем, когда отцы наших легионов восстали, чтобы навечно умертвить того, кто называл себя Императором, в наказание за тщеславие и безверие! Сделан изгоем, когда наш легион был оттеснен от бастионов Терры, и сделан мастером на неодолимом Медренгарде, где Кузнец Войны чествовал мою отвагу пред воротами Пертурабо и всей моей ротой! Это я – тот, кто завладел этим миром и сделал из него крепость, и я нашел эти пленные души, что вы видите пред собой.

Да, сияющие камни лежали у ног Ченгрела, и по бокам от них стояли двое его самых преданных стражей-терминаторов.

- И хотя я избавлюсь от камней, отдав их тому из вас, кто предложит в обмен самую лучшую дань, вы должны оправдать свое присутствие здесь.

Скрипучий голос, доносящийся из динамиков дредноута, смешался со скрежетом металла и шипением поршней, когда его вместилище повернулось на коротких толстых ногах.

- Я не раб, подобный животному, и не мелкий царек из тех, что мнят себя великими, собрав за собой отребье из Ока Ужаса или с какого-нибудь чахлого мира-колонии, - сказал он. - И я не буду иметь дел с теми, кто мне не ровня. Чтобы сделать ставку, вы должны преподнести мне не только земные богатства, но и истории. Во имя чести своего легиона каждый из вас расскажет о своем подвиге в ратном деле и боевом искусстве, чем докажет, что именно он наиболее достоин этого приза. А то, что я скажу сейчас, считайте доказательством моего доверия и благосклонности, ибо, прежде чем вы начнете делать ставки, я одарю вас собственной историей, по которой вы узнаете, чего я стою и какова моя мощь.

Так Ченгрел из Железных Воинов начал свой рассказ.

- Будь прокляты сыны Дорна, называющие себя Имперскими Кулаками! Будь прокляты сыны Жиллимана, называющие себя Ультрадесантниками!

Помните ли вы лик Дорна? Его тщеславие и упрямство? Его капризную раздражительность? Его вкрадчивое низкопоклонство?

Помните ли вы лик Жиллимана? Его высокомерие и самонадеянность? Его подлость? Его трусость?

Каким бальзамом на сердце был вид этих лиц при Железной Клетке! Крики Дорна в окопах, смятение Жиллимана, когда он увидел, что мы сделали с его слабым братом. Я стараюсь уберечь от времени эти воспоминания, чтобы возвращаться к ним вновь и вновь. К тому времени, когда я сам стал командиром, когда я увидел когорту Железных Воинов, вздымающих над головой стиснутые руки и клянущихся верно служить мне, я знал, что первой же моей целью будет снова увидеть знак Кулака и знак Омеги, униженные вместе.

Хеггору! Вот мир, что я выбрал для своей затеи. Медленно кипящий Хеггору с движущейся твердью из гладкого серого камня и густо-красными котлами океанов под серными небесами. Во время Крестового похода я пролетал недалеко от него - а вы, хоть кого-то из вас когда-нибудь заносило на юго-запад галактики? Нет ответа? Неважно. Мы услышали, что Имперские Кулаки отметили присоединение Хеггору, окружив его полярное побережье великим кольцом своих творений. Высокие города-ульи, пронизывающие жаркую дымку над планетой, связанные друг с другом поездами-пулями и лазерными сетями, которые мерцали в пасмурных сумерках.

Имперские Кулаки короновали Хеггору, как они говорили, дали ему царский венец в честь вступления в наш Империум Человека. Мы смеялись, узнав об этом, пока не увидели, что Пертурабо не смеется. Он посмотрел на пикты из-под капюшона, а потом повернулся к ним спиной. С тех пор мы говорили о «Хеггору в желтой короне» лишь тихо и со злобой. Много позже - слишком долгими и странными были для меня путешествия в варпе, чтобы вести счет годам - это название снова коснулось моего слуха, когда я скитался по той же области космоса, размышляя над тем, как лучше обратить вспять все, чего достиг Крестовый поход. Варп был густо насыщен бормотанием имперских астропатов, и когда мои

собственные провидцы перебрали струны, натянутые меж их разумами, мы обнаружили бравурные сообщения Ультрадесантников, надутых и самодовольных наследников надутого и самодовольного Жиллимана. Они хвастались триумфом Ультрадесанта, без сомнения, незаслуженным. Кровопролитие снизошло на Хеггору в образе ксеносов-грабителей, чьи гнездилища и вычистили Ультрадесантники. Что за малокровными созданиями стали легионеры Тринадцатого, если похвалялись этим, как славной победой! Но они похвалялись, и, когда я повел своих верных Железных Воинов обратно на Хеггору, их слова все еще горели в моем уме.

Их слова горели, поэтому мы сожгли города, чтобы сравняться с ними. Мы заново короновали Хеггору роскошной желтизной пламени, не тем бездушным желтым, что на знаменах Седьмого. Мы показали защитникам городов, выстроенных Дорном, кто более сведущ в осадном деле. Залпы наших лэнсов и батарей раздирали атмосферу, пока она не вскипела, очистив небеса от целых эскадрилий боевых машин, а вражеские ракеты с трудом пытались отыскать нас за перегретыми облаками и помехами от радиации, пока мы с хирургической точностью бомбардировали их. Мы состязались с орбиты с их пушками двадцать дней - номера легионов Жиллимана и Дорна, сложенные вместе - а на двадцать первый сели в посадочные модули, чтобы ничтожные смертные познали гибель от наших рук.

Тогда я был не таков, каким вы видите меня сейчас. Я выходил на бой в облачении терминатора, в адамантии, отмеченном черным и желтым. Я полетел вместе с авангардом штурма в первой волне штурмовых торпед, которые пронзили шкуру улья Роэгхим. Его пустотные щиты рассыпались перед нами. Верхняя часть улья была выстроена, чтобы противодействовать именно такой атаке: их многослойная структура напоминала соты, чтобы лишить штурмовую торпеду импульса и запереть ее в лабиринте полуобрушенных помещений. Но те, кого мы оставили в Империи, глупы, братья мои, и память их коротка. Они выдолбили стены изнутри, лишили укрепления прежней мощи, эти забывшие об угрозе потомки. Ах, восхитительный грохот штурмовой торпеды, пробивающей вражеский бастион! В осаде есть моменты, приносящие большее удовольствие, но мало более пьянящих.

Когда мы оказались среди них, они лишились всего мужества, какое у них только было, и обратились в бегство. Я поклялся, что буду тратить боеприпасы только в настоящем бою, и поэтому убивал силовым кулаком и раздирали шипами своих доспехов, и рука моя покрылась кровью до самого плеча. Кровь и пыль, поднятая нашей бомбардировкой, смешалась в красно-серую грязь на моем кулаке, которая запятнала золотую аквилу с храмового шпиля, когда я смял ее в когтях.

Голова Ченгрела задергалась и закачалась в жидкости от возбуждения, которое разгоралось все сильнее от воспоминаний о резне.

- Чего теперь стоила гордость Дорна? Создал ли он что-то, что могло выстоять против нас? Нет! Роэгхим стал брешью, и мы хлынули в нее. Стада Императора ослепли от паники, и только в одном из соседних ульев догадались вовремя уничтожить железную дорогу, по которой ездили поезда-пули. В награду за это мои ремесленники построили реактивные повозки, которые помчались по рельсам быстрее звука, остановились там, где путь был разорван, и метнули плазменные заряды в бока улья Толмеа. По другой линии, к улью Беремвальт, устремились его же вагоны под защитой хитроумной брони, сделанной моими металлургами и варп-кузнецами, набитые воинами, которых я сам отобрал для того, чтоб передать свои приветствия. Осадные бригады в холодной броне, с холодными глазами, знающие, как искалечить жизненно важные системы улья или ослабить его кости из адамантия и углеродной пены. Они были как

лед, но с ними был и огонь: горячие, свирепые берсерки, братья, что отринули верность Трону из Золота и отдали ее Трону из Черепов.

Тот, кто ни разу не строил крепость, не может до конца понять, что значит ее разрушить. Каждая павшая крепость – словно павший воин, и гибель любой из них уникальна. Каждый зубец короны Хеггору умер смертью, не похожей на иные.

Толмеа умерла, как воин под выстрелами врага, плазма пробила ее склон, словно болт-снаряд – нагрудник. Два дня она протянула в агонии, оседая от кратера в боку, как человек, согнувшийся пополам из-за смертельной раны, а потом пик и склон провалились внутрь и рухнули, покоряясь смерти, как все мы не раз видали на поле боя. Завеса пыли все еще висела над ее руинами, когда мы улетали с Хеггору.

Беремвальт был отравлен нашими бронепоездами, как неосторожный разведчик, ужаленный тварью с мира смерти. Мои воины были инфекцией, ядом. Берсерки с ревом неслись по его залам, как лихорадка по жилам, и так пропитались кровью зубчатые цепи их оружия, что, верно, и поныне сочатся ею. Мои собственные Железные Воины действовали, как менее заметная отравка, отключающая органы и нервы: они вывели из строя энергетические и информационные сети, очистные сооружения для воздуха и воды, системы контроля климата, а затем оставили труп Беремвальта темным и безмолвным.

Улей Массога погиб, как боец, наступивший на мину. Сейсмическая бомбардировка расколола его геотермальное ядро, и ударная волна магмы вырвалась из основания улья, разрушила его, озарила ночь и задушила небо. Улей Декахел был обескровлен: его население в панике утекло в жаркие каменистые пустоши, когда мы ранили верхние уровни города. Улей Кайленга умер смертью труса, парализованный зрелищем настоящей войны, раздираемый между эвакуацией, сражением и сдачей. Нерешительность лишила его стойкости и сделала нашей добычей. Улей Дауфиэль, больше всех других ослабленный войной с ксеносами, познал смерть, достойную уважения, смерть раненого ветерана, который не посрамил себя, несмотря на увечья.

Все закончилось безумием в улье Аттегал, когда весь остальной венец Дорна лежал в руинах за нашими спинами. Мои берсерки все еще пылали яростью, словно их бешенство было топкой, а несчетные тела, скошенные ими, лишь топливом для нее. Некоторых настолько обуяла жажда крови, что они ринулись за беглецами в пустоши и не вернулись, но остальные, покончив с разорением Дауфиэля, устремились вперед. Когда в их собственных транспортах иссякло топливо, они захватили у колонн беженцев грузовики или щебневые краулеры; когда сгорели двигатели новых скакунов, они разорвали их на части от такого оскорбления и помчались дальше пешком. Берсерки уже пронеслись в кровавом иступлении через пол-Аттегала, когда мы нагнали их и увидели творения их рук.

Мы обнаружили символы Кхорна, вырубленные цепными клинками в рокритовых стенах или начертанные кровью, разлитой на дорогах. Мы услышали, как перенастроенная система массового оповещения повторяет гортанные молитвы сквозь визг и треск, ибо сила произносимого имени подавляла хрупкие вокс-устройства. Мы услышали, как берсерки выкрикивали имя своего бога, заглушая вой цепных зубьев, грызущих кости.

Теперь, когда их закованный в бронзу господин обратил взор на Хеггору, пересчитывая черепа, рассыпанные берсерками в его честь, и когда улей Аттегал стал убойным загоном, он проявил свою милость. Некоторые воины как будто бежали сквозь воду, оставляя за собой волны и рябь. Другие отбрасывали слишком много теней, которые поднимались и трепетали собственной жизнью. Дымный ветер приносил вой и взрывы визгливого хохота, рожденного не людскими глотками. На стенах начали

появляться рубцы и кровавые пятна, но рядом не было никого, кто мог бы их оставить. Демоны Кхорна постепенно воплощались в реальности.

В безмолвии я и мои братья оставили вымершее подножье берсеркам и стали взбираться к вершине улья. Перед нами стены сами собой покрывались письменами, вокс-трубы изрыгали кощунства, а в облаках за стенами-окнами появлялись лица. Деревья в дендрариях стали кроваво-красными и выпустили шипы, подобные клыкам, и их ветви содрогались в ритм стучащим, словно барабаны, сердцам демонов внизу.

Стоя на самом пике улья Аттегал, я объявил, что наша задача выполнена. Мы сбросили золотую аквилу, что простирала крылья над последним зубцом короны Хеггору, и на ее месте воздвигли наш собственный знак, единственный прямой брус, адамантиевый, черный и желтый, как наши собственные доспехи, забрызганные кровью на бойне Кхорна у подножья.

Ульи Хеггору сожжены! Наследие Дорна попрано и низвергнуто!

Имперские паразиты Хеггору погибли! Труд потомков Жиллимана был тщетен!

И вот перед вами трофеи моей победы!

В амфитеатр с лязгом потянулась процессия «Осквернителей», и каждый из них высоко, словно венец, нес на своем корпусе искореженные останки золотой имперской аквилы.

- Орлы с острия каждого шпиля, что рухнул в зловонные облака Хеггору! Добыча лучшего из моих походов! Железо снаружи! Железо внутри!

Двое терминаторов, охраняющих мешок с камнями, начали вторить Ченгрелу, выкрикивающему мантру Железных Воинов, и через миг она же донеслась из динамиков самих «Осквернителей» в такт их шагам. Вся площадь собрания заполнилась шумом и зазвенела от него.

Когда чудовищный парад закончился, Ченгрел объявил, что первый день встречи закончен, и повелел всем гостям удалиться, чтобы поразмыслить над его рассказом и решить для себя, есть ли у них история, которая может с ним сравниться. Потом, удовлетворенный тем, что произвел впечатление на это жалкое собрание, Ченгрел вернулся в свою цитадель, где втянул раздутую голову в глубины дредноута и приказал, чтобы его покои окутала тьма.

Эммеш-Аийе поспешно убежал к своему катеру, усеянному шипами и шрамами – он жаждал острых ощущений после того, как так долго был вынужден был кормиться одними лишь словами. Кхров шел за ним по дороге к лагерям у места высадки, но не стал подниматься на сияющий пирамидальный посадочный модуль, который висел над его зиккуратом. Вместо этого он поджал ноги, завис в воздухе без всякой опоры, и через миг земля под ним треснула и выпустила наружу густую поросль шипастых лоз, состоящих из странного вещества, которое казалось одновременно металлическим и самоцветным. Лозы сомкнулись вокруг него и скрыли из виду.

Драхмус Несущий Слово и Ходир Повелитель Ночи возвращались через руины более медленным шагом, а их сопровождающие шли за ними гуськом и старательно игнорировали друг друга.

- Так что ты думаешь о хозяине этого места? – спросил Драхмус через какое-то время, которого хватило, чтобы его маленький гомункулус полностью процитировал Четыре тысячи восемьдесят второе послание

Лоргара.

- Стар, - подумав, ответил Ходир. - Умен. Удачлив, - он оглянулся. - Хорошо защищен.

- Удачлив, - столь же осторожно повторил Драхмус. - Действительно, удачлив. И богатства, нажитые его удачей, стоят того, чтобы их стеречь. Возможно, в этом мы мыслим схоже?

Ходир великодушно выразил согласие, слегка наклонив голову в темном шлеме.

- Ну что ж, - продолжил Драхмус, - вскоре мы узнаем больше об этом собрании.

Он не поклонился и не отдал честь, но подчеркнуто шагнул назад, чтобы обозначить конец беседы. Ходир последовал его примеру, аккуратно отступив, чтобы не придавить веревку со скальпами, и они разошлись по своим лагерям.

Прошло семнадцать часов, и из цитадели донесся сигнал. За ревом гудка последовал квартет домашних слуг, которые разбежались по руинам и принесли к посадочным площадкам весть о том, что их господин скоро будет готов к новой аудиенции.

Первым вернулся Кхров, который выбрался из развернувшегося клубка лоз и без сопровождения пошел на площадь, чтобы занять свое место. Через несколько мгновений сзади слышались шаги, а следом голос демона-гомункулуса Драхмуса, монотонно проговаривающий первые строфы «Медитаций на две трансцендентности». Это была одна из более приземленных работ Лоргара, и тихий шуршащий голос не мог передать те немногие нюансы, которыми та обладала. Ходир занял свое кресло, беззвучно приняв ту же самую позу, в которой он сидел на предыдущем собрании. Единственным признаком того, что он куда-то уходил, были два серебряных прута, торчащих из ранца его доспехов, на которых теперь были растянуты веревки со скальпами, образуя «кошачью колыбель» над головой Повелителя Ночи.

Последним к ним присоединился Эммеш-Аийе. На нем по-прежнему был серебряный нагрудник, хотя он отцепил свой язык и подвесил его на иную последовательность крюков. С плеч свисала мантия из стеклянных колец, намеренно грубо выточенных, чтобы они терлись друг от друга со звуком, от которого свербили челюсти. Сводящий с ума тех, кто находился рядом, этот звук явно успокаивал Эммеш-Аийе, чей усиленный слух жаждал стимулов в этой относительной тишине.

И нарушил ее Ченгрел, когда его вместилище-дредноут тяжкими шагами вошло на площадь и взобралось на каменную платформу.

- Я дал вам достаточно времени на подготовку, - прогремел он. - Теперь посмотрим, что вы принесли мне в ответ. Услышим же ваши рассказы. Ходир! Повелитель Ночи! Господин Ходир, сын павшего Кёрза! Ты будешь держать речь первым. Начинай.

Если Ходир и оскорбился этим резким повелением, то не подал виду. Вместо этого он встал и пошел к Ченгрелу, сжимая что-то в руке.

В тот же миг один из телохранителей Железного Воина двинулся ему навстречу. Это было нечто, формой напоминающее закованного в броню космодесантника, которым оно было когда-то, но с тех пор превратилось в сгорбленную, лягающую тварь. Ноги сплелись воедино, стопы заменила гусеница танка, на которой оно перемещалось, но состояла эта гусеница из толстых мышц, а траки ее были костяными когтями. Руки существа заканчивались множеством оружейных стволов, а лицо,

поднимающееся прямо из шеи, среди растущих пучками толстых стальных рогов, представляло собой скалящуюся маску из тусклого керамика. Из прорези для рта вывалился мясистый язык и попробовал воздух.

- Я не желаю навредить твоему господину, как и тебе, - обратился Ходир к существу, - но раз уж ты изучаешь меня ради него, тогда взгляни на это.

Он поднял выше то, что принес с собой — треугольный кусок бело-желтой ткани, явно отрезанный от большего полотна и вышитый сложным узором. Когда черно-зеленый язык лизнул воздух рядом с тканью, Ходир перевернул ее и показал, что с изнанки она сшита с таким же треугольником человеческой кожи.

- Содрана совсем недавно, - объявил Ходир. - Чувствуешь это?

Телохранитель, неуверенный в ответе, крутанулся на своей хлюпающей и щелкающей ноге-гусенице и поднял взгляд на Ченгрела.

- Ее свежесть подтверждает, что он у нас и по-прежнему жив и здоров. По крайней мере, был, когда я отправился на собрание. С этого момента остается лишь верить моему слову.

- Ты задаешь мне загадки, - ответил Ченгрел гудящим голосом динамиков. - Дай мне подношение и историю, или отправляйся восвояси и расскажи своему легиону, что я разочарован его посланцем.

От этих слов Ходир ощетинился, подобрался, и все остальные увидели, что его свободная рука сжалась в кулак. Но он сдержал гнев и повернулся так, что обращался одновременно и к Ченгрелу, и другим десанникам-предателям.

- Если я должен что-то поведать вдобавок к своей ставке, - сказал он, подчеркнуто не используя слово Ченгрела - «подношение», - тогда мой рассказ и ставка пойдут вместе. Итак, - он снова поднял сшитые куски кожи и ткани. - Я объясню, что это, как мы это нашли и чего оно стоит. Вам всем.

И Ходир из Повелителей Ночи начал свою историю.

- Татуировка на этой коже, - объявил он, - это знак навигаторов, герб дома Друннай. Дом не особо прославленный. Я не слышал о них, пока человек, который дал нам эту кожу, не поведал свое имя. Вивайр Друннай. Молодой, но умелый. Насколько умелый, вы еще узнаете.

Вивайр Друннай - не ставка, но часть ее.

Далее. К северу от Тембинских течений, что на северо-западе галактики, есть варп-омут, пронизывающий плоскость галактики. Он бурлил там, когда Крестовый поход впервые очертил границы того, что сейчас зовется Обскура, бурлит и поныне. Ярость его затягивающей воронки столь велика благодаря бурям, исходящим из Ока, находящегося ниже, на северо-востоке от нее. Капитаны, ведомые спешкой или спесью, иногда заходят на окраину этого течения, чтобы оно швырнуло их к Кипра Мунди, но это опасный, неровный путь. Я слышал, что нижние области омута так и не были нанесены на карту, и кто может сказать, есть ли у него конец? Может быть, он выходит из галактики и уходит в бесконечную бездну под ней. Если дрейф унесет кого-то слишком близко к воронке, то втянет внутрь и разорвет на куски. Выжить там нельзя.

Омут - не ставка, но часть ее.

Есть место, где под натиском противоположного течения вихрь изгибается под углом, и там его притяжение умалывается. Это Челюсть, и там бушующий ураган выпирает наружу, словно подбородок зеленокожего. Он вышвыривает из себя грозовые фронты, которые ощущаются за много секторов оттуда, завихрения, которые проносятся сотню световых лет, прежде чем утихнуть. Там кружатся пронизанные бурями узоры, которые корчатся, расплываются и сражаются друг с другом за право обжить. И еще это место изрыгает корабли. Предел Молианис в реальном пространстве за Челюстью – это кладбище космических скитальцев, подобное которому едва ли сыщешь. Омут срывает с курса корабли и утаскивает их в никому не ведомые глубины, а гравитационный колодец огромной голубой звезды Молианис выводит многие из них наружу. Вереница разбитых останков, дрейфующих в пространстве, протяженностью во многие парсеки.

Кладбище кораблей – не ставка, но часть ее.

Империи не обращают внимания на это место! Они так уверены, что это громадное кладбище кораблей – воистину кладбище и не представляет никакой угрозы. Они построили крепость на дальнем конце потока останков. Сказать по правде, это великолепное сооружение: ярус за ярусом громоздятся артиллерийские палубы, лэнс-установки, системы глубинных ауспиков. За ней хвостом тянутся свободно парящие укрепления, трансляционные станции, склады боеприпасов, верфи и ремонтные доки. Вокруг снуют эскадры боевых кораблей. Крепость все растет. Они колонизируют другие луны поблизости, чтобы увеличить ее обслуживающий персонал. Кто знает? Возможно, в Молианисе однажды появится целый мир, заселенный колонистами.

Крепость – не ставка, но часть ее.

Имперцы уверены, что побывавшие в варпе суда, исторгаемые бурей, настолько изломаны, что не представляют ни малейшей опасности. Изредка на кладбище появляются патрули, которые сканируют остовы ауспиками и бормочут в вокс что-то о карантинных проверках, о скитальцах, которые надо зачистить от генокрадов или разграбить. Рядом с Молианисом есть густонаселенные орочи анклавы, поэтому Империи больше интересуется ими. Цель крепости – наблюдать за пространством между зеленокожими и кладбищем кораблей, дабы те не попали в лапы орков и не стали частью их военной машины.

Незащищенный бок Империи – не ставка, но часть ее.

Говоря, Ходир медленно расхаживал туда-сюда перед окошком в бронированном корпусе Ченгрела, пока Железный Воин взирал на него сверху вниз с выражением, которое, видимо, должно было означать благожелательную снисходительность. Теперь он повернулся лицом к другим участникам торга, вновь подняв свой сувенир из кожи и ткани.

– Мы, я и мои Повелители Ночи, отправились в набег в Большое Тембинское течение, которое тянется по северо-восточному квадранту, подобно выпирающей лопатке. Корабли, вылетающие с богатых миров Малого Тембинского течения и проходящие вверх сквозь необитаемый слой между ними, могут рассчитывать на долгое и спокойное путешествие. Слабый напор течения тихо несет их к дальним северным границам сегентума Ультима. В такое-то путешествие и отправилась наша добыча, когда запустила двигатели на Исите.

Это был конвой снабжения, тяжелые и медлительные корабли, словно упитанные сетт-коровы, тащившиеся с материальными ресурсами из кузниц Механикус. Сплавы, созданные термоядерным синтезом, специально изготовленные блоки реагентов для плазменных топков, биологическое сырье, оружие, машины. Мы узнали, что груз направляется к цепочке новых колониальных ульев. У нас было для него иное применение.

Вам не нужно слышать о том, как мы нанесли удар и что забрали. Все мы знаем, как происходят такие вещи. Вы можете представить себе засаду и абордаж. Мы захватили три судна из четырех, прежде чем те добрались до прыжковых зон Исита, и обобрали их там, где имперским флотилиям было не под силу защитить их. Главный корабль конвоя назывался «Гимн Фелинды», и я наметил его своей целью и добычей. Мы изводили его залпами орудий и угрозами по воксу. Мы собрали вокс-записи с других взятых нами кораблей, усилили и транслировали на «Гимн Фелинды», чтобы его экипаж услышал, как умирают те, кто сопротивляется Повелителям Ночи. Они не сдались, и тогда мы разогнали наши собственные двигатели и ринулись на них, пронзили корпус залпами лэнсов и направили в раны абордажные челноки. Команда забилась в скафандры, приготовившись к битве.

Для Повелителя Ночи корабельные защитные костюмы – сами по себе оружие. Они зашоривают зрение своими маленькими глазными линзами или узкими смотровыми оконцами, поэтому воображение добычи наполняет тьму по краям зрения чудовищами, почти равными тем чудовищам, какими являемся мы. Они притупляют слух и наполняют уши шорохом и неясными отзвуками, которые терзают туго натянутые нервы. Те, кому повезло иметь вокс-передатчики, открывают себя нашим нашептываниям и воплям, когда мы находим и взламываем их канал – а мы всегда, всегда это делаем. Они окутывают конечности тяжелыми обмотками, обременяют движения, концентрируют в разуме каждой добычи чувство, что она отрезана, одинока, и ее товарищи – не более чем незнакомые силуэты по ту сторону стекла.

Для Повелителя Ночи каждая из этих вещей – как тонкий стилет, вонзившийся во врага еще до того, как мы его коснулись.

Мы пробрили некоторые отсеки «Гимна», открыв их космосу. В вентиляцию иных мы ввели порошки и токсины или наполнили их сверхгорячим газом из плазменных трубок, чтобы огненные бури пронеслись сквозь палубы, а потом мы вышли из пламени и химического дыма, разрубая на части ремонтных рабочих. Мы позволили вести о нашем прибытии распространиться по кораблю, все время оставляя одну жертву живой, чтобы та успела прокричать предупреждение или сбежала, распространяя ужас. Мы отключили освещение целых палуб, потом оставили эти палубы паниковать, в то время как нас увидели в отделениях, которые считались незатронутыми вторжением. Потом мы заставили эти уровни разрываться от криков или замолкнуть навеки, и поэтому, когда мы пробирались к мостику, с нами сражались враги, почти сведенные с ума своим собственным страхом. Таков наш метод действий, и если вы, собратья, когда-либо сражались на нашей стороне, то знаете это и сами.

Для корабля-добычи оставался только один способ противодействовать нам – не дать нам завладеть нашей целью, затащить нас в имматериум, чтобы мы погибли вместе с командой. Корабль затрясся вокруг нас, мы услышали вой тревоги в коридорах и молитвы и плач тех, кто знал, что означают эти звуки. Мы не вывели из строя варп-двигатели, ведь их тоже можно было использовать, и капитан дал приказ на прыжок.

У нас было мало времени. Мы прорвались в тихое течение, но вскоре страх и насилие отразятся в нем эхом, и ответные волны обрушатся на нас. Системы, создающие поле Геллера, капризны даже на неповрежденных судах. Нужно было быстро действовать.

Теперь мы стали истинными хищниками и вместо медленного террора устроили стремительную резню. К тому времени, как мы зачистили жилые палубы и собрались у подножия мостика-башни, раскаленные тени уже двигались в кильватере «Гимна Фелинды», и когда мы смели последних оставшихся членов экипажа, все почувствовали, как корабль содрогается, а наши мысли искажаются. Некая разумная сила начала стискивать поле Геллера и сокрушать его.

На мостике не осталось ничего живого. К тому времени, как мы добрались туда, некоторые обратились против других. Страх? Попытка восстать и вернуть корабль в реальный космос? Варп-фантомы, поселившиеся в их мыслях? Неважно. Но тут мы обнаружили, что капитан передал контроль над управлением прямо в гнездо навигатора. Теперь нашим рулевым был Вивайр Друннаи. И Друннаи получил приказ ввергнуть корабль в этот вихрь, ведущий к Челюсти, чтобы его разорвало до самых алмазистых костей и плазменного сердца.

И теперь началась подлинная битва за «Гимн Фелинды» и наши собственные жизни.

Инженерные сервиторы заварили подъемные двери, ведущие в святая святых, где находились престолы капитана и навигатора. Швы были так свежи, что все еще светились в нашем инфракрасном зрении, когда мы прорвались внутрь. Все это время приливы вихря терзали поле Геллера, как мясник, пытающийся ободрать тушу слишком тупым ножом. Мы чувствовали, как жарчайшие потоки имматериума пытаются влиться в наши разумы.

Три сервитора еще были там, их замуровали, приказав сопротивляться нам. У двоих были сломаны сварочные аппараты, чтобы мы не могли их использовать, и они атаковали нас с клепальными молотками, которые осыпали наши доспехи раскаленными докрасна штырями из стального сплава, – Ходир повернулся и опустил одно плечо, демонстрируя сколы и царапины на краю наплечника. – Третий бросился на нас со все еще пылающей горелкой, и Гиаз, который поднялся до руководства моим Вторым когтем, хвастливый и нетерпеливый Гиаз, шагнул вперед, чтобы показать, как он разрубит врага. Тут мы услышали ультразвуковой визг силовой установки сервитора и поняли его цель – он был перегружен и готов взорваться, и тогда Гиаз просто расстрелял его на куски.

В гнезде капитана были затушены все источники света, как будто он думал, что тьма может представить для нас неудобство. Но мы могли видеть разбитый голоаппарат, чьи мониторы и консоли оплавилась под горелками сервиторов, и поняли, до какого отчаяния довели этого человека, чтобы он так изуродовал свою святыню. Он намеревался лишить нас всякой надежды на возвращение в материум.

Сам капитан был лишь размытым силуэтом за стеклянной мозаикой поддерживающего кокона. «Убейте меня, если хотите, предатели, – сказал он нам через медные трубы, которые торчали в углах комнаты, – или позвольте варпу забрать меня, как он заберет вас. И пусть моя жизнь будет последней верной Императору жизнью, которую вы прервете, прежде чем сами окажетесь пред Ним ради последнего, вечного наказания».

И с этими словами он закончил угрозы и перешел к молитвам, которые начали искажаться и переплетаться с более нечестивыми голосами и более непотребными словами, ибо влияние варпа просачивалось сквозь истончающееся поле Геллера и постепенно меняло корабль. Но мы поняли, что не все вопли в вокс-трубах исходили... снаружи. Ни один незванный гость из варпа не стал бы выкрикивать имперскую молитву или молить капитана, чтобы он проявил милосердие и отозвал свой приказ. То был Вивайр, теряющий разум от страха, от того, что видел перед собой судьбу, которую навигаторы понимают острее, чем любой из нас.

Капитан взревел в ответ, от его голоса трубы затряслись, и даже несмотря на то, что за него говорили механизмы, а не родные горло и язык, даже сейчас, когда гравитация корабля начала отказывать, а звук и свет – искажаться, мы слышали в этом голосе властные ноты, которые, должно быть, и заставили его команду поднять оружие против нас, невзирая на ужас. Он кричал среди бури, приказывая навигатору подчиниться своему капитану и Императору, пожертвовать жизнью и до последнего противостоять предателям.

И тогда Ульш расколочил кокон и убил его. Он никогда не питал любви к эпитету «предатель».

Теперь управление кораблем принадлежало только Друннай, и я знал, что погиб. Команды навигатора должны пройти через системы капитана, чтобы превратиться в сложные приказы, отдаваемые рулевому и экипажу и манипулирующие всеми системами корабля в унисон. Обычно навигатор немногим управляет напрямую, и он не был готов к этому. Мы были все равно что в свободном дрейфе, оставленные на милость пучины.

Так я думал. Так думали мы все. Но вот урок, известный всем Повелителям Ночи: ужас преобразует. И когда сам Друннаи понял, что пропал, ужас вытеснил все его сознательные мысли. Он не мог заставить себя отдать душу варпу.

И тогда мы спустились по вихрю вниз. Как? Я не знаю. Я не навигатор и не ясновидец, – тут Ходир чуть склонил шлем в сторону Кхрова, который ответил аналогичным вежливым жестом. – Но я знаю, как ужас порождает в воинах гениальность. Кто из вас не видел, как друг или враг от страха совершает настоящие подвиги, пока не выгорает полностью? Навигатор Друннаи, который ввел нас в самоубийственное падение по приказу, который он не хотел и слышать, теперь нарушил этот приказ и стал сражаться с бурей за свою жизнь.

Я помню мгновения тишины, когда корабль крутился вдоль оси так быстро, что ослабевшая гравитация не могла скомпенсировать вращение, и мы падали и врезались в стены. Узчела, нашего лучшего разрушителя, чьи цепные кулаки помогли пробить выход на мостик, отшвырнуло в кокон мертвого капитана, и он выместил свою ярость на труп и его системах.

Я помню, как временами омут сдирал с нас поле Геллера, и тогда Друннаи визжал в панике под стать визгу, издаваемому корпусом корабля. Были и вопли того нечто, что сжимало «Гимн Фелинды». Может быть, оно кричало от боли, вызываемой прикосновением к материи, или от удовольствия, что у него появилась эта новая странная игрушка. Может быть, эти крики были вызваны эмоцией, которую никому из нас не понять. Может, некоторые из них даже издавали выжившие люди где-то на корабле, встречая судьбу, от которой бежал Друннаи. И в это время весь корабль метался назад и вперед, словно хвост кроталиды.

Я помню, как системы управления снова ожили. Шлак, оставшийся от панелей инструментов, начал шевелиться и перемещаться, и призрачные очертания голоаппарата повисли над останками реальной машины. Они засветились и показали нам наши же лица, и лица тех, кого мы убили, и лица тех, с кем сражались, и превратили их в лица, которые не могли принадлежать ни одному человеческому существу. Электричество трещало меж кратерами в панелях, дуги поднимались и принимали формы, которые я не могу описать, ибо они оставили лишь оспины на моей памяти. Я помню, что звук двигателей, эта глубокая мощная нота, которая пронизывает каждый звездолет, ни разу не прервался, но порой сбивался и задыхался, а временами превращался в ритмичный звук, словно стук живого сердца, и иногда напоминал смех. Узчел сказал, что услышал в нем шепчущие голоса, и когда он попытался заговорить с ними, то, что ему прошептали в ответ, заставило его выть и замахиваться

цепными кулаками на пустоту перед собой.

Формы корабля начали размягчаться и растягиваться. Останки капитана потекли и смешались, обломки, в которых они лежали, взбурлили и начали меняться. Часть их превратилась в изумруд, часть - в кровь, часть - в свет. Все помещение то расширялось, то сужалось. Палуба под ногами внезапно потемнела от коррозии и начала выпускать легкие облачка пыли, но когда мы оглянулись на дверь, то увидели, что стены тамбура превратились в ребристую кость. Она хрипела и гремела, наделенная неким подобием жизни, потом в считанные секунды окаменела. Танцующие огни хихикали и гонялись друг за другом вокруг наших голов. Гиаз выпустил в один из них болт-снаряд, и тот, оставив гонки, окутал его не более чем на секунду. Когда огонь выбросил его на палубу и улетел, Гиаз задергался на полу и сказал нам, что пламя затянуло его внутрь себя и играло с ним на протяжении тринадцати лет.

Как долго все это длилось, я не знаю. Могу лишь сказать, что по сидерическим календарям прошло четыре месяца от того, как мы вышли из варпа у Исита, и до того, как услышали первые имперские трансляции в Молианисе, но для большинства из нас это падение сквозь воронку показалось лишь несколькими днями. Но все мы знаем, как переменчивы варп и время, - другие легионеры молчаливо выразили свое согласие.

И вот, наконец, вихрь оставил нас в покое. С последним мучительным спазмом корабль начал двигаться ровно, и мы поняли, что дрейфуем в открытом космосе. Палубы и переборки перестали меняться, комната осталась в странном, лишенном углов виде. Кроме нее, мы видели только искаженные стены тамбура, залитые тусклым звездным светом. С осторожностью мы выбрались из святыня святынь капитана, чтобы посмотреть, что осталось от нашей добычи.

Варп переделал «Гимн Фелинды» до полной неузнаваемости. Весь он был вытянут и разбит так, словно нечто в варпе распластало его на анатомическом столе. Обшивка была вскрыта, местами как будто порвана, местами просто исчезла, будто ее расплавили, растворили или растягивали, пока она не разошлась. Кое-где ее даже прибавилось. По левому борту выпирал гребень наростов, подражавший форме башни-мостика и даже отрастивший зачатки иллюминаторов. Лопасты и турели либо начисто снесло, либо они утонули в корпусе, приняв странные органические формы. Плазменные двигатели наконец затихли, и мы видели хвост корабля, охладевший, без жара реактора и выхлопов. В пластах палубного покрытия отпечатались цепочка аккуратных следов босых ног, размером с детские, утопленных в металле, будто во влажном песке. Они доходили до мостика и исчезали там. Мы так и не узнали, что их оставило.

Но когда мы снова обратили внимание на Вивайра Друннаи, оказалось, что он все еще жив. Печати и жизнезащитные системы навигаторского гнезда предназначены для того, чтобы оно могло функционировать в полной изоляции, и любое вторжение варпа можно было обуздать, прежде чем оно распространится на весь корабль. Теперь же они сработали в обратную сторону, защитив его от попыток варпа обратить «Гимн» в ничто.

Когда мы пробирались сквозь завалы к гнезду, то слышали, как Друннаи скулит в вокс, пытаясь докричаться до экипажа. Видимо, от перехода его системы испортились, и глаза, наблюдающие за остальными отсеками, ослепли. Он не знал, что мы единственные, с кем он теперь делит остов корабля. Он звал капитана и его слуг. Он умолял доложить о состоянии дел и оказать ему помощь. Иногда он даже, казалось, не был уверен в том, находится ли корабль в варпе или уже нет - думаю, он все еще был ошеломлен бурей Челюсти.

Я полагаю, что он понял, какую компанию оставил ему вихрь, когда мы начали пробиваться в гнездо.

Теперь это помещение можно было легко разглядеть. Оно по большей части выстояло перед варп-эрозией, но корпус и палуба вокруг него практически превратились в кружево. Под руководством Хотеша, нашего мастера по связи, мы соединили вокс с автосенсорными системами в наших доспехах. Эти гнезда при создании снабжаются защитой и оберегами, но они бессильны против того, что мы замыслили, и не могут остановить столь умелых захватчиков, как мы. Вскоре мы завладели когитаторами внутри гнезда, отрезали вокс-связь Друннай и начали использовать более мощные гнездовые системы для того, чтобы вычислить наше местонахождение.

Сенсоры доспехов улавливали шум, похожий на щелчки кнута, и мерцание в визорах, которые мы сочли просто временными эффектами, оставшимися от бурного путешествия. Но, подсоединившись к пузырю, где сидел навигатор, мы смогли узнать, что это за звуки. Мы слышали импульсы военных ауспиков – целый каскад импульсов, наслаивающихся друг на друга, некоторые с расстояния в считанные световые минуты, другие куда более старые и слабые. Их издавали корабли, рыщущие по другому краю системы. Системы Молианис.

Гением, рожденным из ужаса и рефлексов, смешанных с примитивным инстинктом выживания, Вивайр Друннай обнаружил переплетение варп-потоков, ведущее сквозь омут от Тембинского течения в варп-бурю Челюсть. Игольное ушко, сквозь которое можно проникнуть на ненаблюдаемый и незащищенный край важнейшей имперской милитаризированной системы.

Повелители Ночи снова отправятся в Молианис.

И вот она, ставка. Вот то, что я своей властью предлагаю тебе, брат Ченгрел. Возьми этот герб как знак союза. Что Друннай сделал однажды, то он сделает и снова. Пошли своих лучших воинов, чтобы оседлать бурю и выйти из Челюсти вместе с нами, или почти нас личным присутствием, возглавив войско. Мы подкроемся к имперским часовым, покауда их взгляд устремлен в другую сторону, и обрушимся на них, станем их красноглазыми кошмарами.

Если ты желаешь лишь ранить Империум, тогда мы раним его. Если ты желаешь завладеть крепостями Молианиса, тогда забирай их, у моего легиона нет планов на них. Если желаешь долю добычи от захвата системы, тогда ты вернешься в свою собственную цитадель с воистину великими богатствами.

Такова история и такова ставка Повелителей Ночи. Что скажешь?

Ходир закончил рассказ, стоя прямо перед вместилищем Ченгрела со своим даром в поднятой руке. Язык телохранителя еще раз выскользнул наружу и дернулся в направлении кожи. Остальные три легионера-предателя сидели и рассматривали узор на ней, позволяя хозяину крепости говорить первым. И после долгого молчания он, наконец, заговорил.

- Мой кузнец войны поделился со мной хорошей фразой, - сказал он. - «Средь нас нет никого коварнее, чем Повелитель Ночи, когда перед ним стоит возможность убийства». Ты понимаешь, почему мне припомнились эти слова.

Ходир жестом выразил согласие.

- У тебя были все возможности принести дань, которая почтила бы память Ночного Призрака, Ходир, - продолжал Ченгрел, - и, быть может, вдохновившись моей собственной историей, ты еще сможешь покинуть это место и вернуться с ней.

Другие трое, сведущие в том, как читать намеки в позах и движениях, невзирая на массивную броню, увидели, что Ходир гневается. Они увидели, как он с преувеличенной заботой сворачивает сшитый треугольник и пристегивает его на талии, и как его руки на миг сжались в кулаки, пока он не контролировал их движения. Ченгрел то ли не увидел, то ли не обратил на это внимание.

- В обмен на твое подношение Ченгрел из Железных Воинов отдает должное твоей хитрости и дерзости. Но пусть моя крепость и мой рассказ станут наставлением для тебя. Тебе следует научиться честолюбию, Ходир. Легионер с честолюбием, подобающим его статусу, не стал бы приходить ко мне, чтобы выпрашивать союза - он пришел бы, чтоб сложить предо мной трофеи. Головы капитанов Флота и комиссаров с фуражками, прибитыми гвоздями к черепу, полный трюм ценностей, добытых с их кораблей. Заметь, Ходир - кораблей военного флота. Боевых. Я не желаю принимать дар, состоящий из того, что вы наворовали на кладбище скитальцев или отняли у какого-нибудь жирного медлительного конвоя снабжения. Таков твой рассказ? Как ты преследовал горстку грузовозов и угодил в бурю, куда не собирался попадать? Это история, по которой я должен судить о славе твоей банды среди Повелителей Ночи? Ты опровергаешь свои же претензии на величие. Но все же, - Ченгрел издал растянутый булькающий звук, который обозначал вздох, - если подношения остальных будут еще более убоги, тогда, быть может, я отдам награду тебе.

Когда отзвуки его голоса затихли, улучшенный слух остальных, а более всего - Эммеш-Аийе, удивил слабый ритмичный металлический шум. Это были механизированные суставы доспехов Ходира. Они поскрипывали, когда он почти незаметно раскачивался вперед и назад, одной рукой открыто стискивая рукоять силового ножа на левом бедре.

- Когда Повелители Ночи вернутся в Молианис, - голос Ходира явственно дрожал от напряжения, с которым он сдерживал гнев, - не думаю, что силы господина Ченгрела будут в числе наших союзников.

На миг показалось, что он хочет сказать еще что-то, но вместо этого он холодно развернулся, ушел к своему месту, сел и больше не издал ни слова.

- Драхмус! - прогрохотал Ченгрел, когда его телохранитель, согнувшись, уполз обратно в тень дредноута. - Драхмус из Несущих Слово! Твой легион известен своей выдающейся историей. Не сомневаюсь, что ты принес роскошную дань и великолепный рассказ, чтобы состязаться за мое сокровище. Говори, Драхмус, и делай свою ставку.

Несколько мгновений Драхмус продолжал сидеть, глядя в чашу с пеплом у себя на коленях и прислушиваясь к бесу на плече, декламирующему Литургию Нечистейшего Благословения. Наконец он, видимо, увидел в прахе нечто, что его удовлетворило. Несущий Слово бережно поставил чашу на камни и пошел в центр полукруга. Горгуля склонила голову и перешла на шепот, но так и не прекратила говорить, и Драхмус возвысил голос, заглушая ее.

- В восьмой главе «Предостережения Белокрынскому крестовому походу» Лоргар говорит нам, что «те достойны презрения, кто ищет самоотречения в подчинении трансцендентному», и сейчас вы услышите, как я и мои братья истолковали эти слова посредством храбрых деяний, силы духа и войны, которую мы принесли на мир Эхол Терция.

Как жалок был этот наиболее отдаленный мир в скоплении скопления Эхол, когда мы прибыли туда! Терция была миром человечества с незапамятных времен и платила дань Великому крестовому походу и его самопровозглашенному Императору. Но с течением тысячелетий тень Империи ослабела, хватка

мертвой веры в аквилу начала разжиматься. Скопление Эхол утратило стабильность. Один из его миров пал жертвой четвероруких мародеров, предвещающих появление флотов-ульев, и только тогда Империиум снова показал нос в систему, чтобы уничтожить заразу. Но этим он не завоевал любви Эхола, и вскоре Эхол Терция открыто отделилась и нашла пристанище в стане других ксеносов - амбициозных, стремящихся к господству тау, которые хотят не истребить другие расы, но подчинить и навязать им свой порядок под знаменем «Великого Блага», чьим именем они, как утверждают, правят.

Но во «Всестороннем Варигоне» Лоргар утверждает, что «мутное око не может руководить сильной рукой», и вы увидите, что глаза тау были действительно замутнены. Их вице-короли обещали Эхолу справедливую и надежную власть взамен требовательного и нерадивого Империиума, но, взяв бразды правления Эхола, эти существа не смогли удержать их в руках.

Тау не понимают воздействие варпа так, как люди. Они не могут чувствовать течения божьего моря и отвечать на них, они никогда не разделят нашу связь с первородным. Эти слепцы не знали, как вести себя, когда на мире, который они «освободили», чтобы править им, начало подрастать новое поколение. Дети выросли. Выросли их дети. Выросло число псайкеров. А тау не понимали, что происходит. Они насмехались над имперскими традициями, считая их сказками про ведьм, слухами, распускаемыми проповедниками для разжигания гнева и усмирения паствы, чтобы ею можно было эффективнее управлять. И так Эхол Терция была затронута варпом.

В «Шестидесяти четырех первичных медитациях» Лоргар пишет, что «дары божьего моря никогда не должны ускользать от понимания», и когда мы узрели судьбу Эхола, то воздали хвалу словам примарха. То был мир в междуцарствии, сорвавшийся с поводка ксеносов, но еще не вернувшийся под сень аквилы. Мир, готовый принять более глубокое, великое и поистине божественное служение.

Когда мы пролетели над широкой полосой суши, лежащей высоко на полярном круге планеты, словно наплечник доспехов, мы обнаружили припорошенные инеем галечные равнины, крест-накрест рассеченные железными дорогами и усеянные шахтами для запуска грузов в космос. В дни расцвета Эхола тау загружали ракеты кварцевыми песками и ценными биокультурами планеты и отправляли на орбиту, где грузовые суда перехватывали их и увозили к их собственным изначальным мирам. Когда тау ушли из системы, прибыли группы людей, спасавшихся от кровопролития в южных регионах, и превратили полуразобранные стартовые комплексы в убежища. Некоторые из них еще держались, другие были заброшены, в третьих появились дети-псайкеры, и их постигла гибель или еще худшая судьба.

На экваторе, далеко друг от друга, находились два из континентов Эхола. Первый материк, изломанный и исковерканный, был разбит двумя тектоническими швами, щетинился горами и постоянно содрогался от землетрясений и выбросов лавы. Люди, обитающие здесь, были примитивными созданиями без всякого человеческого достоинства, которые шарились по развалинам выстроенных тау городов. Зимой они собирались в огромные караваны и отправлялись продавать свою добычу в уцелевшие города на умеренном побережье. Эти собиратели высоко ценили детей-псайкеров и добровольно шли на риск, возвращая их, чтобы сделать оружием против своих соперников.

Второй экваториальный материк был низким, плоским и пестрел морями и лесами, где жили и сражались выжившие. Здесь появилось поверье, что массовая активность псайкеров вызвана тем, что тау покинули этот мир, а не наоборот, и поэтому они превратили старые пескодобывающие платформы ксеносов, находившиеся в мелких внутренних морях, в капища. Здесь они устраивали собрания согласно календарю церемоний, ритуально вешали тех, кого подозревали в псайкерстве, и поклонялись брошенным артефактам тау, умоляя своих старых хозяев вернуться и спасти их. Другие аборигены,

обитавшие между великими озерами, стали служить прямо противоположной идее: они чествовали расплодившихся псайкеров как спасителей. Из обрывков старой памяти об имперской вере они сплели фантастические истории о святых и ангелах и окутали ими безумных и одержимых существ, которых сделали своими царями и пророками.

И на последнем континенте, среди разрозненных островов и базальтовых рифов, безумие воистину воплотилось в реальности. Тау устроили там карантинные лагеря для тех, кого считали повстанцами или сумасшедшими, и сослали туда первых псайкеров, которые появились среди их подданных, еще когда ксеносы пытались сохранить власть. К тому времени, как мы приземлились на этой земле, черные скалы и заросли лишайника стали раздольем для затронутых варпом во всем их безумии и полной свободе. Когда мы вышли из посадочного модуля, нас приветствовал бескожий торс с головой, который шел к нам на паучьих ногах, созданных из молний, и выкрикивал наши имена. За ним на переплетенных конечностях ползла тварь, состоящая из четырех людских тел, и земля, над которой она прошла, превращалась в кровотокающую плоть.

Но во второй книге «Трактатус Энтропия» Лоргар говорит, что «для одних Сил мы должны быть учениками, для некоторых нам предписано быть солдатами, но для других, как мы знаем, мы повелители, а для некоторых, как мы должны понять, мы наместники». Так я проповедовал своим братьям, прежде чем мы приземлились, чтобы наполнить их твердостью перед нашей миссией. Мы прибыли как наместники, как строители, как распорядители и генералы, и народ Эхол Терция, познавший величие Хаоса, для нас был как дети, как ученики, отданные под наше руководство.

Мы выискивали их, этих дикарей, которые собирались в стаи или шабаши или бродили по одиночке. Они были неприручены, даже те, что выделялись мощью, одичалы и нетренированы, и мы пленили их и заставили повиноваться, показали им значение и великолепие их природы. Другие были безумны или полностью поглощены тем, что проникло в них извне, ибо их нераскрытые таланты ярко сияли в имматериуме. Мы нашли такие места, где расстояния и измерения были истерзаны и смяты из-за какой-то катастрофической одержимости, пожравшей свое вместилище дотла. Мы видели участки, выжженные варп-пламенем до полной стерильности или разодранные как будто чудовищными руками или когтями, хотя нам ни разу не попались одержимые, чей облик бы соответствовал этим отметинам.

Некоторых мы усмирили плетью, других связали оберегами и письменами. Некоторых нельзя было подчинить, и тогда с молитвами и отпущением грехов мы разбивали сосуд из плоти и позволяли чистой сущности снова раствориться в варпе. Некоторых мы использовали для оккультных машин или вплавили в металлических зверей войны. И когда эта земля стала нашей, мы снова двинулись на север.

На континент с морями мы пришли и как завоеватели, и как освободители. Мы покоряли племена силой, рвением и вдохновением. Собравшись огромными толпами вдоль берегов, они смотрели, как мы штурмуем старые платформы тау и вырезаем там их врагов. После этого они не преклонились перед нами, как рабы, но с радостью устремились за нами, как послушники, и молили всякого Несущего Слово, что попадался им на глаза, поучить их, или благословить, или помолиться за них, ибо, как пишет Лоргар в «Четырех просьбах к Кьюш-Бегхану», «разрушение отмершей верности – вот то, что ведет к преобразению и вознесению». Мы приставили их к работе, чтобы они перестроили города на платформах в крепости, храмы и арсеналы. Потом снова пустились в путь.

Мы прибыли на побережье огромного изломанного континента, покрытое городами. Это были не высокие ульи, но мегаполисы, состоящие из полных насилия трущоб, огороженных районов, где обитала порочная и высокомерная знать, и башен или ям, где необученные псайкеры собирались, дрались или размножались. Каждому городу мы объявили о своем присутствии и провозгласили, что пришли учить

их вере, более могучей, чем прокаженная ложь Имперіума или безжизненная болтовня тау о «Великом Благe». Некоторые города приняли нас и впустили учить и проповедовать. Другие не осознали, кем мы являемся, и стали сражаться, и мы сожгли их, чтобы дым устремился в небеса, как знамение для правоверных.

В конце зимы мы отправились на вулканические равнины, и к середине лета все кланы собирателей встали под знаменем Несущих Слово, и их вожди присягнули нам в верности. Когда настала следующая зима, мы не позволили им сбежать в умеренные широты, нет – мы заставили их доказать нам, чего они стоят. Они воздвигли вереницу городов-храмов, тянущуюся через сердце континента, потом подготовились к войне и устремились через море на север. Там они сражались под лютыми ветрами и в конце концов завоевали для нас последний континент Терции.

Мы могли заставить людей Эхола маршировать двадцать четыре часа без передышки, сражаться, словно демоны, автоганом и клинком или просто зубами и ногтями, выкрикивать клятвы Четырем Силам в прекрасном унисоне, будь их хоть десять, хоть десять тысяч. Каждый вождь мог назвать заглавия всех работ Лоргара и процитировать писания о духовном руководстве, верном служении, религиозном рвении и ненависти к Имперіуму. Каждый обычный житель Эхола кланялся и проговаривал правильные благословения и обеты, когда мимо проходил Несущий Слово, и все псайкеры теперь были связаны и служили великой конгрегации Хаоса или же заплатились жизнью за непокорность. Мы приняли Эхол как обитель бесполезного отребья и сделали из него общину, достойную любого храма от Миларро до дворца самого примарха.

Так мы преобразили этот мир. Каждый город был перестроен, их центрами стали святилища, и мы начали производить в кузнях своего боевого скитальца то, что было необходимо: оружие, снаряжение, все, начиная от икон до клейм, которыми на плоть наших новых солдат наносились изречения Лоргара.

Ибо мы знали, что грядет. Наши толкователи знаменій увидели крылья орла, распростертые среди звезд, и их посетили пугающие видения того, как они преклоняют колени перед алтарем Четырех Погибелей, который превращается в золотой трон под крики и грохот молотов. Мы знали, что Имперіум идет к нам.

И они были сломлены! Сломлены, братья мои! Коготь аквилы сломался о камень, который мы создали! Флотилия боевых кораблей, два огромных транспортника Имперской Гвардии, трубный корабль, приписанный к сестринству Экклезиархии, и всем им не удалось пошатнуть наше учение на Эхол Терция! Солдаты изливались на поверхность миллионами, уверенные в легкой победе, но мы выманили их на мерзлые равнины, мы изводили их засадами и налетами, пока они пытались захватить укрепленные храмы у подножий вулканов, мы заставили их заплатить сотней жизней за каждый лазерный луч и осадный снаряд, который они выпустили в города на платформах, что поныне высятся во внутренних морях!

Сестры Битвы шли в авангарде имперцев, желая заставить Эхол вновь поддаться власти Трона и орла, но наша паства показала нам, чему научилась. Они маршировали, воздев собственные хоругви, Восьмеричные Стрелы и иконы четырех величайших исполинов божьего моря. Имперцы проливали кровь на снег, сжигали наши танки под пепельными облаками и даже сражали братьев, Носителей Слова, в наших крепостях... но они не смогли заставить наших обращенных усомниться в верности. Они не смогли посеять измену среди наших стад.

Гвардия сражалась, пока наши контратаки не заставили их отступить, измотали и наконец сокрушили. Сестры проповедовали и жгли костры, пока эхолийцы не обратили на них пламень ярости и не

уничтожили их. Прибыли даже инквизиторы, двое старых ученых глупцов с пышными свитами, которые, как нам говорили, хвастались тем, что могут ослабить власть Хаоса даже над самыми посвященными умами. И головы обоих висели, привязанные за волосы, на моем «Лэндрейдере», когда мы шествовали в триумфе через вулканические равнины! Все их знания, все их неистовство. Все это не породило ни единого предательского слова. Эхол Терция осталась бастионом Восьми Благодатей Хаоса и предана истинной вере по этот день.

Вот чего может добиться вера, господин Ченгрел! Вот сила, даруемая поклонением! И разве Лоргар не отдает ей должное в Пентадикте, и в Книге Лоргара, и в Кодексе де Баратра? И теперь, во имя благ, которые мы можем получить путем поклонения, я преподношу свой дар. Скажи лишь слово, и я спущу со своего корабля в небесах бесконечный свиток, заряженный варпом, который будет висеть в воздухе над тобой и делиться словами из всех и каждого писаний Лоргара, подстраиваясь под твои мысли и ситуацию, для просвещения и укрепления духа. К нему я предлагаю шестьдесят четыре Молельщика Плоты – лишённые глаз и конечностей тела врагов Хаоса с вычищенными разумами, которые могут лишь выть молитвы и псалмы Хаосу. Все они сильны, все могут долго кричать, прежде чем умрут, и при этом они также цитируют все основные моления и благословения из нашей доктрины. Кроме того, я обещаю тебе четыре орбитальных святилища-шпиля, которые выстроят лучшие мастера из моей паствы. Каждый станет для тебя личной кельей для поклонения и медитаций, каждый будет посвящен одной из четырех Сил, основных манифестаций той предельной и божественной Погибели, которой служим мы все. Они будут освящены в твоём присутствии и отпущены крутиться вокруг этого мира, чтобы и ты, и твои воины всегда знали, что боги варпа присматривают за вами.

Что скажешь, Ченгрел из Железных Воинов? Принимаешь ли ты нашу плату?

Лицо Ченгрела исказилось и приобрело выражение, которое стало понятным лишь через миг. Он сконцентрировался. Глаза двигались под закрытыми веками, беззубый рот шевелился. Через секунду он открыл глаза и заговорил.

- Ты с большим усердием описываешь свои... миссионерские достижения и состояние мира перед тем, как вы туда прибыли. Но когда ты доходишь до самой сути дела, Драхмус, до самого железа, ты перескакиваешь через него, не уделяя внимания. Твоя история только о проповедях? О том, как этот сброд рассказывал вам выученные уроки? Гордишься ли ты тем, как встретил имперское вторжение?

- Война была великолепна, – заявил Драхмус в ответ. Маленький демон засуетился, вскарабкался по его спине и снова сел на плечо, не переставая нашептывать. – Но война была доказательством нашего труда, а не самим трудом. Я поведал о распространении и установлении веры, господин Ченгрел. Истинной веры, ради сохранения которой наши примархи и предки сражались с самим Императором. Разве это не великий труд, как говорит нам Лоргар?

- Нет, Драхмус! – рыкнул Ченгрел. Дредноут со скрипом наклонился вперед. – Нет! Великие дела – это не то же, что оттараторить вот этот стих и вон тот псалом, и эти молитвы, и те книги! Страхни пыль Колхиды с ног, Драхмус, и вспомни себя! Вспомни свой легион и свое наследие! Разве посрамление твоего примарха для тебя ничего не значит? Разве ты столь мягкосердечен, что так легко забываешь о мести? Я ничего не забываю, Драхмус. Я не ценю свитки и писания, которые ты мне предлагаешь. Они не позволят тебе получить мой приз, а твой рассказ, который мог бы заставить меня чувствовать тебя как истинного брата, не заслужил моего уважения. Можешь садиться.

Драхмус повернулся, чтобы посмотреть на остальных гостей, но ни один не сказал ни слова и не дал знать, что думает. Несущий Слово прошел к своему месту, подобрал чашу с дымящимися костями и взгляделся в дым, стоя спиной к махине Ченгрела.

- Я удаляюсь, - объявил Ченгрел, когда стало ясно, что Драхмус не собирается поворачиваться. - Эммеш-Айие из потомков Фулгрима. Кхров, отпрыск Магнуса. Поразмыслите о том, что услышали от своих братьев, и постарайтесь оба поведать историю, достойную имен ваших легионов.

И снова дредноут Ченгрела повернулся прочь от маленького собрания и ушел. Через несколько мгновений остальные четверо космических десантников Хаоса невозмутимо двинулись обратно к лагерям у места высадки, чтобы провести там ночь и приступить к новому дню торгов.

- Итак. Похоже, приз достанется не нам, - заключил Драхмус, обращаясь к Ходиру. Эти двое снова оказались идущими рядом - Эммеш-Айие большими скачками убежал вперед в своей звенящей стеклянной мантии, а Кхров, одинокий и загадочный, отстал позади.

- Вообще никому из нас, - прорычал Ходир в ответ. - Мне кажется, так называемый господин Ченгрел решил, что приз не поменяет владельца - сознательно или нет.

- Ченгрел должен обладать значительной силой, чтобы иметь право на такое сокровище, не говоря уже о его поведении, - сказал Драхмус. Интонации каждого слова говорили, что эта фраза - вопрос.

- Демонстрировать его перед вооруженными посетителями - на это нужна большая... уверенность в обладании подобной силой, - ответил Ходир.

Двое прошли чуть дальше, осматривая местность вокруг себя и оглядываясь на дворец Ченгрела. Оба изучили идущую строем свиту друг друга. Оба знали, что собеседник делает то же самое. Каждый знал, что другой оценивает его последователей как потенциальных противников, равно как и потенциальных союзников. И ни один не потрудился прокомментировать этот факт.

Они остановились на вершине небольшой возвышенности, откуда можно было увидеть посадочные зиккураты и шатры. Эммеш-Айие выглядел, как точка, ползущая вверх по ступеням своей пирамиды к открытому люку катера.

- Много ли говорится в писаниях Лоргара о том, что надо быть всегда готовым нанести удар? - спросил Ходир.

- Конечно, - Драхмус усмехнулся. - Могу припомнить больше ста отрывков.

- Я так и думал.

В тот миг их нагнал Кхров, который двигался по дороге горделивыми широкими шагами, но каким-то образом, казалось, парил над землей, причем даже быстрее, чем позволяли ему ноги.

- Готова ли твоя ставка, лорд Кхров? - спросил Ходир, когда стало очевидно, что Сын Тысячи собирается просто пройти мимо.

- Ставка и история, как у нас всех, - ответил Кхров.

- Мы обсуждали нрав того, у кого гостим, - сказал Драхмус. - У нас есть планы на случай, если дела пойдут не тем путем.

- Как у нас всех, - повторил Кхров и, небрежно отсалютовав посохом, двинулся своей дорогой. Две оставшиеся группы легионеров через миг разминулись и пошли к себе.

- Те рассказы, что я услышал, не вселили в меня восхищение, - объявил Ченгрел своим угрюмым гостям на следующий день. - Под знаменем Магистра Войны мы прошивали шкуру лживого Империиума от Кадии до Калта и обратно. Как так вышло, что теперь легионы присылают ко мне таких маленьких заблудших овечек? Эммеш-Аийе из легиона Фулгрима, я знаю, что у тебя есть особая причина желать предлагаемого мною. Предстань передо мной и докажи это.

На этот раз Эммеш-Аийе пришел не один. К его плоти были приколоты два длинных шнура, сплетенных из кожи, и к ним крепились ошейники, надетые на двух искалеченных и голых близнецов - брата и сестру, которые уже много лет были рабами Эммеш-Аийе.

Эммеш-Аийе ослепил мальчика и лишил слуха девочку, а потом отрезал им руки по плечо. Таким образом, они всегда знали о присутствии друг друга, но не могли ни поговорить, ни обняться. Иногда хозяин позволял им сидеть вместе и неуклюже пытаться поддержать друг друга своими изрезанными и покрытыми шрамами телами, неспособными на объятья, и при этом он хихикал и дрожал, восторгаясь страданиями, которые им причинял.

Неспособный выговаривать слова своим изуродованным языком, Эммеш-Аийе мычал, взвизгивал и щелкал удлинненными пальцами, создавая какофонию, которую мальчик был обучен интерпретировать - обучен тщательно и жестоко. Теперь, гордо расхаживая по центру площади, Эммеш-Аийе начал щебетать и хлопать руками. Когда он делал паузу в своих ужимках, мальчик переводил, а девочка, неспособная слышать слова брата, разглядывала то Ченгрела, то остальных присутствующих.

- Эммеш-Аийе, чьи слова я говорю, выражает свою признательность, - сказал господин голосом своего раба. - Эммеш-Аийе, чьи волю и намерения я с великим удовольствием исполняю, говорит, как рад приветствовать своих товарищей по поклонению и служению Силам Источника.

Ходир и Кхров переглянулись, лицо Ченгрела стало каменным, но Драхмус кивнул и помешал дымящуюся золу в своей чаше.

- Эммеш-Аийе предстает перед вами, дабы вы могли восхититься сим отважным, утонченным, изящным господином из числа подданных Слаанеш. Эммеш-Аийе преподнесет свой дар и рассказ в уверенности, что оба вызовут восторг, равный тому, как всех нас восторгает наше служение Великой Погибели. Теперь Эммеш-Аийе обращается напрямую к присутствующим господам, и приказывает, чтобы мой голос говорил в точности как его собственный, пока он излагает историю своих деяний.

В такой манере, странной и пронизанной тщеславием, Эммеш-Аийе начал свой рассказ.

- Очевидно, что нет более высокого призвания, чем искать восторга, - говорил мальчик-близнец, - и нет восторга выше, чем припасть к стопам Слаанеш, что дарит сокровища наслаждений, подобных которым не сыскать в этой холодной и ограниченной вселенной. Разве можно поведать историю прекрасней, чем рассказ об избавлении от тяжелой рутины и вознесении к вершинам экстаза? Или это не идеальный дистиллят самой концепции победы?

Все мы, все члены Девяти Легионов, знаем о том единственном легионе из нашего числа, что

отвернулся от удовольствий. Те, кто не просто позволил своим живым чувствам ускользнуть сквозь пальцы, но разжал руку и дал им упасть во прах, – жесты Эммеш-Аийе передразнивали его слова, и шесть его пальцев с шестью суставами на каждом медленно разжались. – Ты, Кхров, слуга Великого Заговорщика, можешь в этом поручиться! Они враги тебе, равно как и мне. Последователи Нургла. И вот что я отвоевал у них.

Я и мои придворные танцевали, празднуя разорение девственного мира Этуараин, когда до меня дошел слух, что Тифус, эта озлобленная душонка, собирает свой зачумленный флот для какого-то великого предприятия. Новость заколола мой разум, раскрыла предо мной горизонты. Какой триумф! Какую победу я мог положить у ног Принца Экстаза! Какие новые двери могли открыться для моего сознания в награду за нее!

Мои сладкие демонические супруги вонзили свои шипы в мои чувства, влили видения в мои глаза, слова в мои уши. Они показали, как Тифус враждует с каким-то могущественным имперским проповедником, который возглавил огромное воинство верующих, чтобы завладеть миром, чьей верой уже завладел иной. Они показали Тифуса, несущего в бой свое потрепанное знамя, столкновение, в котором имперские захватчики были оттеснены назад, и крошечную кладку яиц под кожей проповедника, незамеченную среди волдырей от укусов нечестивого роя-разрушителя. Яйца жили и развивались в его теле так же, как породивший их улей жил в плоти самого Тифуса. Вскоре новорожденный рой оставил от тела выскочки-миссионера пустую оболочку, но пока не лишил его жизни, и теперь Тифус собирался последовать за разбитым крестовым походом к его родине, извести улей самого проповедника и забрать его с собой, чтобы возродить для вечной жизни в услужении отчаянью.

Что за отвратительная судьба! Как щедра моя Жажущая Госпожа, которая позволила мне самому завладеть им. Воистину, я орудие великолепия!

Мои видения говорили, что «Терминус Эст» летит перед флотом Тифуса, покинувшим причалы, и мы полетели, как дротики, чтобы опередить их. Мы нашли обреченного проповедника, прежде чем это сделал он, и приступили к работе.

Видите ли, этот человек решил стать отшельником. Он приказал, чтобы реклюзиам на вершине его храма замуровали, оставив внутри его самого и горстку выживших в том крестовом походе. Он понимал, что, вернувшись из темных мест, принес с собой заразную болезнь, и намеревался молиться и бить поклоны аквиле, пока Император не вознаградит его рвение тем, что выжжет рой из тела. Но, похоже, тот остался глух к его мольбам, и когда рой вылупился, его вопли, обращенные к богу на золотом троне, утонули в воплях паствы, пожираемой вокруг него.

Но подлинное спасение было уже близко, и нес его я.

Я приготовил изумительный псайкерский аромат, который мы вдохнули в цветы, растущие вдоль храмовых дорог. Теперь благоухание заманивало души пилигримов в сторону от серой однообразной колеи, проложенной шагами Императора. Мои придворные распустили шепотки, витавшие среди кающихся, так что их бичи и клейма вместо того, чтоб умерщвлять чувства, только распалили их, – теперь Эммеш-Аийе не вышагивал, но сгорбился и мягко ступал, как будто крался среди теней. Лязгу бронированных сапог о камень сопровождал шорох цветастых лоскутов, свисавших с его лодыжек. Капля розовато-белой жидкости просочилась из одного разрыва в языке, скатилась до болтающегося продырявленного кончика и разбилась о землю.

– О, никто не узнал об этом, ибо мы были коварными призраками, закутанными в хитроумные плетения

варпа, – продолжал он устами раба, – но шелудивые псы, что стерегут жующее жвачку имперское стадо, увидели, что толпа становится неуправляемой, и попытались побоями и поучениями вернуть ее к послушанию. Бесполезно! Бесплодно! Пожар распространялся. Мы открыли умы и теперь вскрывали тела, чтобы стадо увидело своих овчарок расчлененными и разбросанными под жарким пурпурно-белым солнцем. Они возликовали, чувствуя, как ярчают их чувства, и заметались, стараясь превзойти друг друга в новых способах затопить ощущениями свои нервные окончания. Тогда мы показали себя – я и мой двор – и танцевали среди них на скользких от крови дорогах, а шпильки вспыхивали и сгорали вокруг нас.

И наконец, когда сама форма камней и цвет неба начали меняться, и даже ветры и цветы стали петь, танцевать и убивать, прибыл чумной флот Тифуса.

На этих словах, при воспоминании о шутке, которую он разыграл, Эммеш-Аийе охватил приступ смеха, и он согнулся пополам и затрясся так, что упал на колени. В тот же миг оба раба тоже преклонили колени, чтобы повторить его позу, но Эммеш-Аийе не обращал на них внимание. Его мутированная гортань издавала столь пронзительные взвизги, что слепой мальчик-раб стонал от боли, которую они причиняли слуху, и столь глубокий хохот, что на несколько мгновений даже Ченгрел почувствовал, как этот нечеловеческий шум с гудением пронизывает густой раствор жизнеобеспечения и проникает в остатки его органов. Наконец припадок прошел, и космический десантник-предатель взял себя в руки.

– Когда «Терминус Эст» появился в ночном небе, – сказал он, – своим присутствием он притушил звезды вокруг себя, и его гнетущая аура засветилась, как холодная гнойная язва над нашими головами, пожирая жизнь в пространстве вокруг себя, чтобы подтянуть за собою остальной флот. Это были скелеты кораблей, чьи экипажи ютились на палубах, прогнивших до дыр и снова залатанных пластинами обшивки, содранной с захваченных ими судов, и их двигатели горели жаром смертельной лихорадки.

О да, мои братья и товарищи, именно такая лихорадка овладела Тифусом, когда он увидел, что стало с его добычей! Он повел свою зловонную забитую колонну к доктринополису, где мы бегали, резали себе кожу и громко смеялись. Он впечатал свои сапоги в широкий проспект, ведущий к шпилью доктринополиса, и заговорил голосом, похожим на звук, с которым скоблят кость. От этого голоса потускнела и растрескалась дорога, на которой он стоял, что раньше была пыльной мостовой, а теперь стала ярким стеклом.

В гневе Тифуса не было величия. Он не воздевал клинок к небесам и не призывал громовым криком возмездие. Своим больным и хриплым голосом он потребовал имя того, кто содеял это оскорбление. Я ответил на зов, танцуя на звенящем благоуханном стекле дороги перед ним. Он зашипел, ругая меня, замахнулся на меня клинком, послал в полет жирных и сочащихся влагой тварей своего роя, чтобы они жалили и кусали меня. Я уходил от него прыжками, ускользал и манил его за собой.

Когда Тифус устремился следом, истекая слизью из швов брони, его воинство начало сражаться с нами. И пришло в смятение! Потерпело неудачу! Ибо мы настолько полно овладели этим местом, что, когда рабы Нургла попытались запятнать его, оно изменило их самих! От обновленного города ожили давно мертвые нервы, изморозь на сердцах оттаяла. Пехотинцы, те, на ком не было Знака их господина, но только знаки утомительного служения ему, кричали и корчились, когда навеянное нами исступление пробудило их чувства так, как они никогда не чувствовали. Тифус привел с собой демонов, созданных из

чистейших снов о разложении, обретших плоть в Источнике, но их встретили изящнейшие из зверей и извергов моего повелителя, и когда они поняли, что враги не будут плясать с ними, то преисполнились жалости к этим существам, неспособным к восторгу, и развоплотили их.

Что до самого Тифуса, то жажда мести застала его глаза, и видел он только меня, своего врага, танцующего спиной вперед.

Удлиненные пальцы Эммеш-Аийе щелкали и свистели в воздухе, то дирижируя хором безумных демонов, которые пронизывали его воспоминания, то воспроизводя поединок с чемпионом Нургла. Лицо Ченгрела, смотрящего сверху вниз, скривилось от отвращения, но Ходир, из всех зрителей самый сведущий в работе клинком, заметил, что за буффонадой Эммеш-Аийе было скрыто нечто иное: скорость и равновесие, тонкие нюансы парирования, молниеносные смены баланса и угла выпадов. Ходир погрузился в раздумья, и его рука вновь потянулась к рукояти ножа.

- Я подстрекал и подманивал его, о, я завел его в наш город. На просторных перекрестках, под сводом собора, чьи контрфорсы сходились в полумиле над нашими головами, мы фехтовали - он в безмолвии, я же смеялся от восторга, когда мои боевые железы впрыскивали в жилы все более необыкновенные опьяняющие жидкости. Наконец гнев Тифуса заставил его заговорить.

«Как ты смеешь? - спросил он. - Этот город, этот мир и все его богатства - мои, во имя Дедушки-За-Оком. Они должны быть моими, так же, как и его. Кто ты такой, что отважился отнять принадлежащее нам? Разве ты не понимаешь, с чем борешься?»

«Борюсь? - переспросил я, ибо это было давным-давно и мои лицо и язык еще не были переделаны так, как видите вы сейчас. - Никакой борьбы, только радость! Здесь нет никакой грубости или оскорбления, только чистая, бесконечная песнь обнаженных и ободранных нервов и сновидений!»

И я широко простер руки, приглашая Тифуса обратить свои чувства вовне и узреть то блаженство, что мы создали. Но он увидел в этом лишь приглашение атаковать меня снова.

«Почему ты терпишь такое обращение от своего дедушки? - спросил я, вновь скрещивая клинки. - Этот дедушка (если ты настаиваешь на таком обращении, ибо твоим дедом, безусловно, является родитель твоего примарха) возложил на твои тело и душу зловонную мантию и сказал, что это хорошо! Проклятье твоего деда - не чума и не гниль, а оцепенение, леность, которая разъедает твои страсти и чувства и превращает их в унылое отчаяние или тяжкую кабалу! Тот, кто причиняет подобное - не друг тебе, господин Тифус! Давай я покажу тебе! Дай мне снова обратить тебя к внешнему миру! Смени угрюмый застой своего деда на пылкие восторги моей госпожи!»

Но Тифус был непоколебим, такова была горечь той чаши, что он испил до дна много лет тому назад. «Дедушка? - ответил он и взмахнул косой с новой силой и яростью. - Эта сломанная игрушка во дворце на Терре мне не дед. Его кровь была слабой, как вода, и его сыновья переняли слабость. Посмотри на себя! - он сопроводил слова взмахом клинка, который был умопомрачительно близок к тому, чтобы вспороть мое тело. - Они пытались стать победителями, но так и не поняли, что на самом деле значит победа. Истинная победа - не в поражении противника. Истинная победа - в отчаянии. Истинная победа отнимает не только жизнь, но и волю к жизни. Я умерщвляю желание врагов выжить, впускаю гниль отчаяния в их души, и, оседлав это отчаяние, устремляюсь к господству. Но ты, скачущая марионетка... -

и с этими словами он шагнул назад, воздел свой клинок для защиты и осмотрел меня с головы до ног. – Щенки Фулгрима так никогда и не поняли этого, несмотря на все свои бахвальства о том, как они отпирают двери своих умов и познают все. Земля Кемоса не взрашивает ничего, кроме пустозвонов».

И тогда я снова засмеялся. «Заблуждение на заблуждении, – сказал я ему, глядя, как маленькие существа вылупляются из его улья и роятся в воздухе, только чтобы падать без чувств к его ногам от прикосновения моих парфюмов. – Я не дитя Кемоса. Исстван, Талларн, Терра и даже потерянный Скалатракс стали воспоминаниями к тому моменту, когда Дети Императора призвали меня в свои ряды. А победа? Чего она стоит? Какое дело восторженному разуму до победы, когда его ждет экстаз? Ты думаешь, что, отняв веру у этого серенького миссионера, добился очередной победы? Дай я покажу тебе, что мы ему доказали! Дай я покажу, чем он стал, когда с него сняли цепи смертного восприятия!»

И тогда я пропел команду голосом, от которого раскололись все остекленевшие камни мостовой под нами, и Тифус поднял взгляд и увидел двух рапторов из ополчения моего двора, которые несли вниз пассажира со шпиля собора. Его волосы, которые прежде свисали до пояса и слипались от гноя и пота в уединенной келье, были вымыты, надушены и заплетены в косы, и каждая коса была намотана на запястье одного из рапторов. Они сжимали его плечи когтями.

И Тифус узрел, что этот человек, проповедник и крестоносец, столь высокопоставленный член Экклезиархии, теперь не его добыча, но наша. Он увидел знаки, услышал тончайшее пение варпа, которое окутывало подергивающееся тело, учуял, даже сквозь собственную сверхъестественную чумную вонь, что плоть проповедника начала источать варп-мускус. И он увидел, что стало с той инфекцией, с яйцами, которые его рой внедрил под кожу и чье вылупление привело в действие и мои, и его планы.

Личинки разрушителя, поселившиеся в плоти священника, едва не отдали его в объятья Нургла, но мы наложили на него слишком много заклятий Слаанеш, чтобы это случилось. В теле проповедника рой Нургла преобразился. Тучи блестящих клещей роились у его лица, и были они так малы, что походили на разноцветный дым. Пауки пробивались наружу из тела и растягивали края раны яркими красно-золотыми лапками, чтобы мясо внутри чувствовало прикосновения ветра. Изящные черви великолепной контрастной окраски ползали под кожей и проклеывались наружу, чтобы плевать друг в друга искрами и духами. Глаз у проповедника больше не было, но лицо расплывалось в улыбке восторга, а не страдальческом оскале.

Этого последнего унижения Тифус не выдержал. Он выкашлял боевое проклятье из воспаленного горла и ринулся вперед, собираясь уничтожить свидетельство своего поражения, но рапторы разверзли пасти своих двигателей и утащили человека в небеса. Тифус взревел голосом псайкера, призывая гнилое дыхание своего дедушки иссушить нас, и послал рой-разрушитель пожрать проповедника заново, но все это место уже было слишком глубоко затронуто нашим Принцем. Рой рассыпался по земле, не двигаясь и уже постепенно мутируя, а варп-зов заглох, задавленный песнями нашей госпожи.

Я рассмеялся над ним, и засмеялся еще, и он преследовал меня до сердца моего воинства. Тогда он начал хрипеть, клокотать и бить направо и налево, пока не увидел вокруг себя лица собственных солдат. Некоторых одолело то, что мы им показали, и они танцевали среди нас. Те, кто сражался с освобождением, превратились в обрубки, головы и конечности, которыми теперь кидались, жонглировали и пинали ногами. И среди всего этого я снова предстал перед ним, готовый сражаться с Тифусом один на один, пока дуэль не завершится смертью одного из нас. Но Тифус долгий миг пристально смотрел на меня, а затем нахлынула тошнотворная вспышка телепорта, и он исчез. В течение часа я получил от своих провидцев весть, что «Терминус Эст» покинул орбиту и прокладывает путь к прыжковой зоне. Куда подевался этот утомительный невежа после того, как увидел наши чудеса,

я не знаю.

Речь Эммеш-Аийе оборвалась, и он внезапно осел на маленькой каменной сцене Ченгрела, как будто это выступление его утомило. Он на миг прикрыл веки, потом, склонив голову, прошествовал обратно к сиденью, с силой дергая поводки рабов, чтобы они ковыляли за ним. Слаанешит упал в кресло с лязгом доспехов и фетишей-украшений и замер в молчании.

- Мы думали, брат, что ты поставишь на кон нечто из своего рассказа, - сказал Кхров, поняв, что Эммеш-Аийе не собирается больше ничего говорить. - Ты предоставил историю, но где же плата? Прошу извинить мое нетерпение, но наш хозяин должен услышать это, прежде чем буду говорить я.

Но они так и не узнали, чем Эммеш-Аийе собирался заплатить за камни, ибо в этот момент Ченгрел затопал адамантиевыми ногами дредноута по каменному полу и загрохотал от гнева, который копился в нем все время, пока слаанешит рассказывал.

- Нет! - взревел он. - Хватит! Запрещаю! Не желаю этого слышать!

Моторы махины стонали, сама она ходила ходуном. Раздался громкий треск, когда одна из задних ног разбила каменную плиту надвое.

- Ты думаешь, это благородная история? Ты думаешь, что это рассказ, достойный одного из Легионес Астартес? Думаешь, это заслуживает хоть чего-то, помимо моего презрения?

Девочка-рабыня сжалась за спиной Эммеш-Аийе, уставившись на Ченгрела круглыми глазами. Мальчик не мог его видеть, но тихо плакал от боли, которую крики Железного Воина причиняли его слуху.

- Хватит! Достаточно этой низости! Считаю себя благословенным этим твоим так называемым Принцем, Эммеш-Аийе, что я не раздавил тебя на месте и не выбросил твою падаль в трупные болота! Как ты можешь этим похвалиться? Ты имеешь хоть какое-то представление о том, как глубоко ты пал?

От ярости обрубки тела Ченгрела задержались в спазмах, и его незакрепленная голова выкрутилась градусов на пятьдесят. Прошла минута, другая, прежде чем ему удалось постепенно повернуть ее лицом вперед. Из динамиков время от времени доносился булькающий рык негодования.

- А что случилось с проповедником? - спросил Драхмус, повернувшись к Эммеш-Аийе, пока Ченгрел был занят. - Ты пропустил важнейшую идею своего рассказа. Какая Сила в итоге овладела им? Или, может, он вернулся в тень аквилы? Брат?

Эммеш-Аийе не поднял головы, но издал низкое гудение с придыханием, которое мальчик-раб смог истолковать.

- Я едва ли это помню. То, как мой двор добыл его, было чудом, и об этом я вам рассказал, поэтому какая разница, что стало с ним после этого? Мы, наверное, продали его на каком-нибудь пограничном мире в Источнике, я так думаю. И что с того?

Драхмус собирался ответить, когда их снова оборвал Ченгрел.

- Нет! Замолчи! Чтоб при мне больше не было речи о предательствах. Не говори с ним, Драхмус, не запятнай себя его позором.

Тут Драхмус поднялся с кресла. Маленький фамильяр удержался на плече с легкостью, говорящей о практике.

- Мое замечание было обращено к брату равного ранга из братского легиона, сэр, -заявил он. - Твои труды довольно долгое время продержали тебя в этом... тихом месте, брат Ченгрел, и, возможно, ты не слышал об Эммеш-Аийе из Детей Императора и его прославленном Странствующем Дворе. Разграбление флота искусственного мира Рош'аэт? Похищение Танских Часов у хранителей Механикус, которые ему удалось сохранить от мстящих космических десантников из ордена Стражей Бури? Эпидеургический крестовый поход через сегментум Пацификус? Я уважаю тебя, как свидетеля Ереси Гора и зарождения нашей Долгой Войны, но я отдаю должное Эммеш-Аийе как служителю Губительных Четырех.

По тону Драхмуса можно было ясно различить укор в последних словах, но Ченгрел пропустил его мимо ушей.

- Уважение? - громыхнул он. - Конечно, ты должен уважать меня. Разве я не могуч? Ты видел мою крепость. Ты слышал рассказ о моих войнах. И когда ты... - и тут Ченгрел поймал себя на том, что до него дошел смысл некоторых слов Драхмуса. - Объясни-ка мне, Драхмус Несущий Слово. Ты говоришь, что уважаешь меня, как того, кто сражался еще в те времена, когда Труп-Император все еще был просто Ложным Императором. Объясни, почему ты это отметил, когда именно эта война и ненависть, порожденная ею, определяет всех здесь собравшихся?

- Что я знаю о войне Гора, тому меня научили, - сказал Драхмус, не пытаясь скрыть удивление в своем голосе. - Я родился в народе, который был избран Лоргаром для хранения копий его трудов в изгнании, когда он не был уверен, насколько далеко и глубоко зайдет преследование истинной веры. Я родился в семьдесят третьем поколении, на двести сороковой год изгнания, после того, как мы сбежали, затравленные, с родного мира Келхит, через двенадцать веков после окончания Ереси. Знамена привели нас к барже Несущих Слово, и в благодарность наш флот отдал всю молодежь в кандидаты.

Глаза Ченгрела пульсировали и моргали, пока он раздумывал над этим, а потом он обратил взгляд на Ходира.

- Ты? - спросил он.

- Зачистка Те'орана, - ответил Ходир. - Повелители Ночи подвергли города токсической бомбардировке, потом вывели из строя все убежища одно за другим, так что нам пришлось драться за места в последнем из них. И когда осталось только одно укрытие, они ворвались внутрь, забрали сотню юнцов и оставили всех остальных задыхаться. Я был одним из этих ста. Тридцать седьмое тысячелетие, Имперская расплата.

- А ты? - рявкнул Ченгрел на Эммеш-Аийе. Тот, не открывая глаза, ткнул мальчика-раба сапогом.

- Происхождение моего господина, Эммеш-Аийе, я расскажу вкратце, - сказал раб. - Он не знает, где и как родился на свет. Первое его воспоминание - огромные клетки, влекомые за процессией князя демонов Аврашейла, направляющейся на войну. Он помнит великую войну, великое умирание под взором многорукого Фулгрима и преобразование в руках Фабия Живодера. Он был отдан в банду Детей Императора под началом Чардры Винной Крови в восьмом тысячелетии после так называемой Ереси.

И снова в узком кругу легионеров воцарилось молчание. Ченгрел свирепо смотрел на гостей. Ходир и Кхров сидели, не двигаясь. Драхмус подбирал из чаши щепотки пепла и ронял их обратно, изучая их траектории в воздухе. Свечение углей озаряло его лицевой щиток, ибо уже наступали сумерки, и место

встречи затягивал полумрак. Эммеш-Аийе ерзал и поглаживал свой изрезанный язык. Наконец Ченгрел снова зарычал сквозь динамики.

- Кхров, - сказал он. - Кхров из Тысячи Сынов. Потомок Магнуса. Сын... но действительно ли ты сын Просперо? Или ты, как все остальные, поздний птенец? Но говори свой рассказ, говори. Если твоя история окажется славной, то, может быть, она даже достаточно смягчит меня, чтобы выслушать, что поставило на кон это так называемое Дитя Императора.

Медленно и тихо Кхров вышел на середину круга и постоял там несколько секунд. Потом он испустил крик и ударил по каменным плитам концом посоха, и тут же его окутало шипящее пламя розового и голубого цвета, такое яркое, что рабыня Эммеш-Аийе зажмурилась от боли. Кхров ударил снова, и пламя опало с его тела, растеклось и превратилось в клубящийся у земли туман. Чародей поднялся в воздух на пьедестале из разноцветного огня. Он указывал посохом вниз, и куда бы он не ткнул острием, бурлящее многоцветье под ним начинало смешиваться и искажаться.

Без всякой преамбулы, не считая этой причудливой колдовской демонстрации, Кхров из Тысячи Сынов начал свой рассказ.

- Нет, - сказал он, кивнув Ченгрелу. - Нет, я не из первых легионеров, как ты, почтенный господин Ченгрел. Я никогда не видел лик живого Императора. Я не взирал на Терру и не ступал на Просперо. Я вырос среди нищенствующих логиков Преки Магна, которые странствуют по дорогам между центральными городами Университариата, ищут математические закономерности в формулировках имперских писаний и предлагают извлеченные уроки молодым ученым и рабочим в обмен на подавание. Когда мы встречались с путниками у космопортов, то менялись с ними трактатами и научными трудами, и так моя семья завладела эзотерическими книгами, которые нам передали втайне, шепча об истинах, что известны самым выдающимся ученым, но при этом не доверяются никому, кроме их собственных фаворитов и льстецов. Мы применили наши расчеты к этим новым текстам и погрузились в чудесные и ужасающие откровения. Понимание пришло так легко, что это было все равно что подобрать сокровище с земли, проведя целую жизнь в попытках взломать запертые хранилища.

Пока Кхров говорил, туман и огонь под ним образовывали живые картины, отображающие все, что он описывал.

- Мы считали себя лишь учениками, вечно ищущими объяснений, но пока мы предавались изучению, нас тоже, в свою очередь, изучали. Эти уроки разжигали свет моего собственного спящего дара, и, когда Тысяча Сынов заметила меня, они начали действовать.

Это был не настоящий легион Магнуса, хотя я и не знал этого, когда они появились среди нас. Несмотря на внушаемый ими ужас и гордое поведение, они были лакеями Аримана-библиария, этого всюду вмешивающегося изгнанника, которого Магнус едва сберег от смерти. Они без единого слова увели меня. Это было на самой заре сорок первого тысячелетия.

Началось мое настоящее обучение, выстроенное на фундаменте, заложенном тайными трактатами. Я научился управлять страстью и иллюзией и повелевать Океаном при помощи лишь воли и интеллекта. Жажда знания, я начал развивать принципы своих повелителей своими собственными способами, и каждый момент моего бодрствования был наполнен озарениями и возможностями.

Ариман не навсегда стал моим господином. Один из странствующих магистров из ядра Тысячи Сынов атаковал нас на северо-востоке галактики. Я не принимал участия в той битве, но чувствовал, как они сражаются оружием и силой воли на безмянном мире, куда Ариман приземлился в поисках чего-то, что мне до сих пор неизвестно. Их прогнали с того камня, прежде чем удалось это найти, а меня забрали в качестве трофея и увезли ко двору Магнуса Красного.

И теперь двери познания действительно распахнулись передо мной. Я сделал услугу для колдуна Абхенака, вычислив семь слогов семи истинных имен князя демонов Нургла Фоэтра Гнилодушителя, и тогда он передал меня в услужение Сулабхею Архинвокатору, который приставил меня к работе над оттачиванием принципов, по которым строились его защитные и призывающие печати. Мои результаты столь увеличили его могущество, что он назвал меня первым среди своих адептов и научил Третьей и Пятой конкатенациям, посредством которых мы можем противодействовать восьми фундаментальным темпераментам имматериума. В состязании с Ксердионом из Девяти Башен он приказал мне изобрести и исполнить ритуал, в котором варп-излучение человека-псайкера, каковое определяется в трудах Карракона Старшего, привязывается через три вторичных нюанса характера к вспышкам бурь, описанных в посланиях Гхелла. После моего успеха Ксердион признал превосходство адептов Сулабхея, и, когда я использовал элементы этого ритуала для того, чтобы связать и узнать происхождение демона Геракдола, меня снова привели к Магнусу и облачили в одеяние мага-соискателя.

Огненные марионетки Кхрова в светящемся тумане под ним сделали жесты и написали знаки, от которых воздух застонал и заискрился.

- Теперь меня обучили военному делу. Мои дары и заклинания были отточены для битвы, и я овладел более примитивными, материальными видами оружия Легионес Астартес. Я мог выпустить меткую очередь из болтера, фехтовать цепным мечом, командовать одной из древних машин легиона, отправиться на бой с одним из моих братьев или с сотней и знал, что ожидается от меня, не задавая вопросов и не требуя новых приказов. Я переписал доктрины моих солдат пламенными умениями мага.

На каждой стадии меня проверяли. Я помню битву, которая длилась сто шестьдесят два часа под небом, загроможденным серебряными башнями, битву с двумя главарями, подчиненными Магнусу. Один подобрал с равнины камни и кости и отправил их в нас на стремительных потоках мысли, пронизанных алыми искрами. Другой распустил прочную ткань пространства-времени и послал ползучие трещащие руны, чтобы они разорвали связь между нашими сознаниями и чувствами. Только я остался хозяином своим мыслям и телу и командовал остальными в гуще боя. Когда проверка закончилась и башни заговорили друг с другом голосами своих повелителей, они признали меня, объявили не соискателем, но адептом, и отдали мне других выживших в качестве ядра для моего первого ковена.

Мне принесли боевое облачение - пустой доспех давно умершего брата-легионера. Я перековал его с помощью лучших магов-кузнецов Легиона, покрыл его варп-гравировкой, так что теперь он пылал живым эфирным огнем вместо простых энергий, что прежде скрывались в его реакторе. Когда я надел доспехи, то взмыл с пола цеха и повис в помещении из сложенного пространства, пока оружейники атаковали возведенную мной защиту. Они испытали мое кузнечное умение, мои колдовские руны, связь моего духа с анимой доспеха и хищных, живущих инстинктами духов, лишь немного недотягивающих до разумов, которых я вплеп в каждый зубец своего цепного меча и в каждый снаряд, загнанный в магазин пистолета. Такова была мощь оружейников, что всего лишь их простое внимание обжигало мои тело и

душу, но, хотя они разобрали на части мои проекты и рассмотрели их со всех углов в четырех измерениях, не нашли ничего, что вызвало бы неудовольствие, и я спустился со Зрячей горы, чтобы начать свои исследования с...

Но тут Кхрова, как Эммеш-Аийе до него, оборвала ярость слушателя.

- Замолчи, Кхров! Замолчи! Замолчи, Сын Тысячи! - ибо Кхров все еще пытался говорить. Когда колдун понял, что Ченгрел не потерпит продолжения, он пожал плечами и плавно опустился на землю. Призрачная пантомима провалилась обратно в светящийся туман, который взбился вокруг ног Кхрова, взметнул движущийся край его накидки и исчез.

На этот раз дредноут не задвигался, но позади него, в тених, раздался скрежет металла по камню.

- Хватит, Кхров, - повторил он. - Хватит слушать вас всех. Покиньте это место. Уходите к своим товарищам. Я дам вам весть при свете дня.

Ченгрел развернул свое вместилище и с неожиданной для таких коротких толстых ног скоростью начал удаляться. Двое терминаторов уже ушли, подобрав сумку с камнями.

Эммеш-Аийе сидел, опустив голову, и не сделал ни движения. Драхмус наклонился к Ходиру, как будто хотел что-то сказать, но тот повернулся спиной к остальным собравшимся и встал на ноги. Кхров, однако, не сдвинулся с места в центре каменного круга. Он тихо сказал:

- Я не закончил говорить, сэр.

Остальные трое повернулись и посмотрели на него, но Кхров продолжал пристально смотреть на Ченгрела и его свиту. Топот бронированных ног в темноте прекратился. Эммеш-Аийе сомкнул губы вокруг растянутого языка, чтобы увлажнить их. Ходир и Драхмус переглянулись и быстро, целеустремленно двинулись вперед, чтобы встать по бокам от Кхрова.

На миг повисла тишина.

- Мой рассказ не закончен, - проговорил Кхров. - Я так понял, что мы будем относиться друг к другу как к равным, как к товарищам, с уважением. Я думал, что каждый из нас представит тебе свою ставку, и даже те истории, которые ты счел нужным требовать от нас, и будет услышан. Я прибыл сюда, готовый благосклонно примириться с любой ставкой, которая окажется лучше моей, и удалиться, даже не получив иной награды, нежели чувство содружества с ними и с тобой. Но мне отказали в этом. Ты не выслушал мой рассказ и не узнал, что я предлагаю в качестве ставки. Господина Эммеш-Аийе ты также не дослушал. Ты скверный хозяин, господин Ченгрел. Мои товарищи и я заслуживают большего уважения, чем то, что ты нам продемонстрировал.

Вдали в тених появился движущийся источник света. Это было окошко в передней части дредноута, которое стало видно, когда он развернулся. Зеленовато-белое свечение внутри резервуара становилось ярче по мере того, как он стремительно приближался.

- Уважение? - взревел он. - Уважение к тебе, ты, бесполезный, бескровный потомок инцеста? К тебе, позору генов Магнуса! Если бы ты имел хоть какое-то представление об уважении, то уже простирался бы на камнях и молил меня о прощении!

Набор болтеров, крест-накрест установленных на бронированной громаде Ченгрела, залязгал. Стволы

поднялись на шестьдесят градусов и с ревом выпустили залп в переплетение ветвей наверху.

- Это подлое предательство! - прокричал он, заглушая треск горящих обломков, падающих вокруг. - Я выслал более чем сто герольдов, и где уважение ко мне? Четыре слабака? Мы - Легионес Астартес! Мы шагали среди крови и огня, мы были живыми богами войны для человечества! И мы ведем Долгую Войну, чтобы расколоть галактику на куски и переделать ее заново, чтобы Империям возрыдал, оплакивая день, когда обманул нас!

По обоим сторонам от Ченгрела появились, тяжело топая, два «Осквернителя», и со всех сторон от озаренного фонарями круга площади задвигались силуэты.

- Но теперь я вижу подлинную измену! - продолжал Ченгрел. - Кучка безмозглых младенцев, которые не понимают ответственность, возложенную на них геносеменем! Я ждал рассказов об ударах, нанесенных имперцам, о сожженных мирах, поверженных лордах и генералах, о возмездии легионам, которые не подняли вместе с нами праведное восстание. Историй о том, как вы исполняли цель, ради которой гены примархов были внедрены в ваши презренные неблагодарные тела! И что я услышал?

От тебя, Ходир, я узнал, что дети Кёрза настолько разобщены, что ты хвастаешься тем, как тебе удалось общипать жирный конвой снабжения, и вынужден выпрашивать у меня помощь для атаки на имперскую крепость. Драхмус, ты рассказал мне, как твои Несущие Слово едва смогли удержаться против имперского вторжения. Кхров, твой легион должен сильнее всех пылать добела раскаленной ненавистью к Императору, но вместо этого, словно сожжение Просперо для тебя ничего не значит, ты брешешь о вспышках бурь, конкатенациях и фундаментальных темпераментах. Расскажи мне о бурях, которые ты обрушил на бывших братьев по оружию! Расскажи, как эти твои «конкатенации» помогли оборвать хотя бы одну жизнь в Империи! Ты не можешь! Ты предал свое наследие и бесполезно растратил себя!

А ты, Эммеш-Айе, - Ченгрел больше не орал, но его голос так и сочился презрением. - Что одолело тебя, что ты способен чувствовать хоть что-то помимо стыда? Сокрушить имперский город без какой-либо причины, кроме как помешать другому легиону? Помешать столь великому брату, как Тифус? Где твоя гордость? Неужто пустой блеск твоего покровителя затмил тебе тот факт, что, если мы все будем бросаться друг на друга подобным образом, не останется никого, кто мог бы атаковать Золотой Трон? Как мы сможем снова собраться в единую силу для разорения Терры, когда в наших рядах - такие, как ты?

И ты требуешь ответа, почему я не буду выслушивать, что ты ставишь, Кхров? Теперь ты понимаешь? Понимаешь, почему я не отдам никому из вас эту награду, пока ваши легионы не смогут прислать мне чемпионов, которые докажут, что пламень, разожженный во всех нас Гором, по-прежнему жарко горит? Скажи этой Тысяче Сынов, от лица которой ты, по твоим словам, выступаешь, что их посланник - воистину недостойный представитель.

Если он намеревался сказать что-то еще, то этого уже никто не услышал. На миг показалось, будто какой-то ужасный снаряд разорвался перед вместилищем Ченгрела, и все пространство над каменными плитами заполнилось бело-голубым пламенем. Когда сияние исчезло, Кхров снова висел в воздухе, поддерживаемый шипящими паутинами молний. Конец его посоха был направлен прямо меж глаз Ченгрела.

- А что же тогда ты? - резко спросил он. - Могучий Ченгрел, почтенный Железный Воин? Великий Ченгрел, признанный своим кузнецом войны? Ченгрел, которому однажды удалось разграбить несколько

имперских ульев, возглавляя армию и флот, и чье величайшее достижение с тех пор – это постройка убежища в секторе, столь опустошенном войной, что здесь ему никто бы не угрожал, живи он хоть в дерюжной палатке?

Услыхав это, Ченгрел издал рев, и его болтеры выкашляли яркую тучу снарядов. На расстоянии руки от Кхрова болты закувыркались в воздухе и разлетелись по сторонам от искрящейся руны, которой там не было еще долю секунды назад.

– Кто ты такой, Ченгрел? – как ни в чем не бывало продолжал Кхров. Молнии распростерлись по сторонам и окружили его аркой. – Ты смотришь на нас сверху вниз, глумишься над нашими историями. Ты хвалишься, что сражался в попытке Гора захватить власть, как будто это уже признак величия. Ты, что маршировал в рядовом составе десять тысяч лет тому назад! Говоришь, тебя хвалил за доблесть кузнец войны на самом Медренгарде? Да был бы ты наполовину, на треть так велик, как хвастаешься, то эти похвалы сошли бы с уст самого Пертурабо, а не какого-то вассала у его ворот. И если ты столь великолепный зверь войны, Ченгрел, то почему украшаешь себя титулами вроде «господина»? У тебя было сто веков, чтобы доказать свою ценность, почему ты сам до сих пор не стал кузнецом войны?

– Взять его! – рыкнул Ченгрел в ответ. Орудийные установки развернулись по бокам дредноута, и две роторные пушки начали поливать землю, взметая пыль и каменную крошку. «Осквернитель» прополз мимо него на множестве металлических ног и изрыгнул желтое пламя в левитирующего Кхрова. Не глядя, Сын Тысячи перехватил пламя и заставил его зависнуть в воздухе, как будто в стоп-кадре. Через миг оно, приобретя блестящий кобальтово-синий цвет, пронизанный алым и изумрудным, развернулось и помчалось прямо в бак огнемета «Осквернителя», который взорвался губительным шаром огня.

– Вы все предатели! – взвыл Ченгрел поверх шума. – Долгая Война не окончена, пока Император сидит на своем троне на Терре! И все, что у нас осталось – хлыщи и трусы, которым духу не хватает расплатиться по всем счетам!

Пока он ломился вперед, стреляя из всех болтеров и пушек, левая пушка вдруг затихла. Это Ходир совершенно спокойно скользнул вперед, незаметно пробрался между двумя здоровенными рабами, чьи чувства были оглушены пламенем и выстрелами, и выпотрошил ее механизм одним точным ударом силового ножа. Теперь он развернулся для защиты, и рабы, похрюкивая, приближались к нему.

– Мы? – прокричал Кхров. Очередь уцелевшей пушки отбросила назад Драхмуса, прикрывавшего его с другого фланга, маленький демон с трудом удержался на месте, но продолжал говорить, не сбившись ни на слог. – Ты так отстал от жизни, Ченгрел? Так ограничен? Оставь эту так называемую Долгую Войну старикам, изъеденным злобой, которые уже десять тысяч лет не могут выбраться из одной и той же колеи! Подумай обо всем, что предлагает тебе Хаос. Подумай о могуществе и великолепии. Подумай о том, что ты уже построил, и чего мог бы добиться, если бы позволил Великому Океану свободно струиться сквозь тебя и расширять границы твоего понимания. Подумай, что тебя ждет, когда ты просто избавишься от своей безотрадной вендетты и отправишься исследовать мир! Ты – предатель, Ченгрел! Предатель потенциала, который увидели в нас предки, когда отвернулись от Императора и увели нас в пустоту! Подумай об этом, Ченгрел, и познай стыд!

Слева от него поднялась ужасающая буря оружейного огня. Несущие Слово Драхмуса, выжидавшие в сумерках, поливали последователей Ченгрела из болтеров и пушек. Справа стая домашних рабов била Ходира силовыми таранами и боевыми клинками, только чтобы обнаружить через миг, что они искромсали пустой плащ. В следующее мгновение существо, державшее плащ, повалилось замертво с дымящейся дырой во лбу – там, где силовым ножом Ходира пронзил его череп. Труп рухнул, и Ходир поднял

другой рукой пистолет и выстрелил в горло надсмотрщику рабов.

Верхние болтеры Ченгрела снова извергли пламя, и Кхров опять развеял залп одним жестом. На этот раз снаряды затанцевали перед ним, оставляя за собой полосы небесно-голубого света, которые образовали в воздухе странные буквы. Ченгрел зарычал от гнева, и рык вышел из его динамиков визгом статики, от которого болты сдетонировали. Взрывы не повредили Кхрову, но отбросили его назад в воздухе. Огонь и молния простерлись по его плечам, как вторая мантия.

- Долгая Война дает нам смысл! - прокричал Ченгрел, наступая. - Война - наша цель! Так поклялись наши примархи! Как ты смеешь отвергать пакты, заключенные ими с Гором и друг с другом! Предатель! Я нарекаю тебя предателем!

На этом он бы не остановился, но тут ходовая часть его дредноута врезалась в символы, которые Кхров оставил висеть в воздухе, и разметала их. Знаки распались, и пространство вокруг них тоже как будто растрескалось, и вдруг Ченгрела окружили ослепительные сияющие призраки, которые сгустились в более плотные, материальные формы. Приземистые комья розовой светящейся плоти, перемежающейся поющими ртами, закопошились вокруг ног дредноута, хихикая и терзая когтями суставы. Твари с зубастыми клювами и бахромчатыми грибными ножками вместо тел запрыгали кругами вокруг Ченгрела и его «Осквернителей», как дети вокруг костра, выдыхая потоки переливчатого света, который расползлся по металлической коже врагов. Более темные силуэты с визгом метались возле турели «Осквернителя», оставляя борозды в его броне.

- Бездушный, бессмысленный обрубок человека, - презрительно ухмыльнулся Кхров, из каждого шва на доспехах которого теперь вырывался синий и серебряный свет. Диск из струящегося белого металла образовался под его ногами, и он шагнул на него. - Война все равно что выиграна, и мы - победители! Мы, те, кто понимает! Империиум значит для нас так же мало, как нелепые амбиции того, кто не может вырваться из войны с ним. Единственные проигравшие в твоей драгоценной Долгой Войне - те, кто не способен оставить ее. Вы и ваш Империиум заслуживают друг друга.

Рядом с Ченгрелом грохнула пушка «Осквернителя», но никто не увидел, куда ушел выстрел зверя-машины. Секундой позже один из скачущих розовых демонов запрыгнул ей на бок и вогнал готескную руку прямо между пластинами брони, во внутренности турели.

- И при этом ты чванишься перед нами, требуя доказательств, что мы тебе ровня? - продолжал Кхров, выпустив из руки шипящие лучи, которые пронзили последователей Ченгрела, словно иглы. - Немалое удовольствие - признать, что я не обязан это делать. Какой истинный наследник примархов согласится опуститься до того, чтоб встать наравне с таким, как ты?

Ругательства, которые выпалил Ченгрел в ответ, были слишком грязными и быстрыми, чтобы понять их, ибо динамики не поспевали за его яростью. Ракета вынеслась из гущи сторонников Драхмуса и разнесла оставшуюся пушку дредноута, прежде чем та успела снова открыть огонь. Зрение Ченгрела пошло красными и черными пятнами от пронзившей его обратной связи с уничтоженным орудием, но все его внимание было сосредоточено на пылающей фигуре Кхрова перед собой. Он снова и снова стрелял из болтеров, и хотя многие снаряды исчезали в огненной ауре колдуна, некоторые из них кузнецы Ченгрела обработали варпом, и им удалось добраться до древних синих доспехов. Кхров пошатнулся в воздухе, и Ченгрел издал рев дикой радости.

Пока на площади собрания бушевала эта битва, на дороге, ведущей ко дворцу Ченгрела, разразился другой бой, менее масштабный, но столь же свирепый. Два терминатора Железных Воинов маршировали

обратно с камнями душ, когда авточувства того, что шел позади, уловили движение и тепло в заросших руинах, где должно было быть пусто. Тут же он исхлестал развалины очередями из двойных комбиболтеров в соответствии с древними принципами ведения огня на подавление, принятыми Легионес Астартес, потом резко переключился на полуслучайный обстрел, предназначенный для цели, которая могла подстроиться под повторяющийся определенным образом огонь.

Отступив назад и все еще поводя оружием в темноте, Железный Воин изучал накладывающиеся друг на друга траектории выстрелов и данные о попаданиях. Они показывали фонтаны каменной пыли, растительное крошево, маленькое облачко испарившегося древесного сока там, где болт насквозь пробил корявый ствол. Но и он, и системы его доспехов знали из горьких уроков Исствана, как выглядит и как звучит попадание болт-снаряда в боевую броню космического десантника, и признаков такового не было.

А потом мельта-заряд обратил в шлак пласталевую обшивку комбиболтера, и через мгновение ока добела раскаленные осколки оружия разлетелись от взрыва снарядов, оставшихся в магазине. Опешив, но не испугавшись, Железный Воин стряхнул обломки с латной перчатки, в то время как пушка-«жнец» его спутника выпустила очередь в ту сторону, откуда выстрелила мельта. Двум воинам хватило времени, лишь чтобы встать рядом, когда на них выпрыгнула стремительная фигура и рубанула цепным клинком по лицевому щитку лидера, шедшего впереди, мастерски использовав слабость терминатора - неуклюжий доспех не позволял ему отдернуть голову от атаки именно с этого угла. Смотровые линзы Железного Воина были испорчены, изображение задергалось от повреждений, но инстинкт взял свое. После такого броска враг мог двинуться лишь в трех направлениях, двумя отступить на безопасное расстояние, а третьим - ринуться вперед и схватить по пути мешок с камнями. Не глядя, он ткнул клинком на стволе «жнеца» в этом третьем направлении и был вознагражден треском ломающейся брони и криком ярости.

Но теперь к схватке присоединились и другие Повелители Ночи. Тот, что с мельтаганом, выстрелил лидеру в лицо и уничтожил несколько сенсорных связей, а остальные оглушил на целые секунды. Этого Ходиру было достаточно, чтобы начать рубить силовым ножом руку, все еще сжимающую в латной перчатке мешок.

Терминаторы что-то коротко рывкнули друг другу на боевом арго, сообщая о местонахождении Ходира, и Повелитель Ночи осознал, как долго он провозился и какую сделал ошибку, когда дуло «жнеца» с лязгом ткнуло его в левую подмышку. В долю секунды между ударом и выстрелом он выкрутился в сторону, подставляя Железному Воину изогнутую поверхность брони, чтобы снаряды соскользнули по ней. Но это не до конца убергло его, и тройной выстрел отшвырнул Ходира на четыре метра с уродливой вмятиной в доспехах.

Железный Воин, держащий камни, почувствовал еще одну вспышку жара, которая не ранила его, но повредила достаточно тонких компонентов в руке, чтобы та одеревенела. Из-за спины донесся треск и сверканье громового молота, и он услышал проклятие, с которым его товарищ повалился на одно колено. Он повернулся, чтобы мешок камней оказался подальше от Повелителей Ночи, но тут боль обожгла кончики пальцев, и он ощерился от злости, почувствовав, что мешок у него выхватили. А потом остались только они двое, изувеченные, осыпающие градом выстрелов темноту, в которой исчезли Повелители Ночи.

Ходир издал мокрый болезненный кашель. Края трещин в реберном панцире терлись друг о друга, легкие с трудом изгоняли из себя кровь, уже начавшую сворачиваться внутри. Но в то же время в мозгу плясали мысли о том, какое могущество он сможет теперь купить, вырвав сокровище из лап этого

помпезного глупца, Железного Воина. Странные и алчные мечты овладели им, и он не помнил, чтобы у него такие раньше были. Ходир осознал, что эти мечты даже не были похожи на его собственные. Танец мыслей был чуждым. И в этот миг его братья, Повелители Ночи, выпустили его, и он упал на колени.

Ходир огляделся и увидел, что его разбойничья банда остановилась как вкопанная. Некоторые поднимали оружие, но неуклюже, без того стремительного и смертоносного единства, которое приобрели за много тысяч битв. Один или два даже делали слабые, дерганные движения, как будто сопротивлялись какому-то безумному порыву танцевать, и в воксе слышались их тяжелое дыхание и всхлипы.

С эфирной песнью Слаанеша, льющейся с растянутых губ, Эммеш-Аийе неторопливо вышагивал к группе. Пара рабов по-прежнему влачилась за ним, но теперь за ними, в свою очередь, двигался причудливый парад, окутанный пастельным светом и благовонным паром. Ходир встречался с подобными им раньше, но ни готовность, ни собранность не могла защитить его от дикого, болезненного желания, которое пронзило его с головы до пят. Он хотел двигаться под их прекрасный ритм, смеяться, как они, быть, как они, и эти желания лишь чуть ослабли, когда он увидел, как они срубили голову одному из его воинов и бросили ее наземь под всплеск крови и хохота.

И все же его пистолет дернулся, и существо, которое тянулось к мешку с камнями, завизжало и пошло рябью. На миг оно стало выглядеть, как будто его черты впитали в себя все эти странные желания, смешавшиеся друг с другом, а потом оно завизжало, когда силовой нож Ходира вспорол его от горла до живота. Получив слишком сильные раны, чтобы ее стремление остаться во плоти могло их превозмочь, демонетта расползлась в ничто.

Уничтожение твари создало уродливый контраст покрывалу гипнотических звуков, и Повелители Ночи, чьим умам нужно было лишь мгновение возможности, схватились за нее и начали сражаться. Внезапно для слаанешитской кавалькады ей оказали сопротивление, изогнутые клешни и шипастые языки схлестнулись с клинками, молотами и болтерами, отчаянно стреляющими в упор.

Но Эммеш-Аийе не собирался отступать от своей награды. Уже дрожавший от звуковых волн, отдающихся в костях, Ходир снова содрогнулся, когда шипы на пальцах Эммеш-Аийе пронзили его руку. Кисть сначала потеплела, потом онемела, и Эммеш-Аийе вырвал из его хватки мешок с камнями. Ходир увидел, как рубиновый свет камней разгорается в глазах слаанешита, и тогда он поднял силовой нож и вогнал его в бедро врага.

Тот содрогнулся, раны в приколотом языке раскрылись сочащимися дырами, и глаза, отражающие красное сияние, на миг усталились в лицо Ходиду. Потом он ударом наотмашь свалил раненого Повелителя Ночи наземь и, прихрамывая, убежал прочь от схватки, согнувшись над прижатым к животу мешком с камнями и волоча за собой рабов.

Недоверчивый Ченгрел приказал своим солдатам подготовить огневой мешок для гостей еще до того, как те приземлились, и теперь его воины заняли позиции у мест высадки. Это были боевые инженеры Железных Воинов, умелые и способные. Они открыли тщательно замаскированные огневые окопы для продольного обстрела, использовали рассеянные сигналы, чтобы мгновенно активировать минные поля и сети из запоминающей проволоки, достаточно крепкой, чтобы опутать даже ноги в силовой броне. Тихие, как тени, они перемещались среди свежих траншей, уже запланировав линии обстрела, готовые встретить убегающих гостей господина Ченгрела.

Но, конечно же, их враги тоже были космическими десантниками. Повелители Ночи предвидели все

места, в которых Железные Воины решили устроить защитные сооружения, и первая бригада встретила с дьявольски точными и продуманными засадами. Недавно открытые окопы уже кишели ловушками, Железные Воины просто исчезали по пути на позиции, странные вспышки помех прерывали вокс-трафик вне зависимости от используемой частоты, внося неразбериху в приказы и делая их попытки организовать не только бесполезными, но даже вредными.

Попытка отрезать путь отступления Драхмусу удалась лучше, но, когда Драхмус оставил Ченгрела и Кхрова друг другу и устремился к своему кораблю, с ним было больше воинов. В ритм «Катехизиса Спирали», цитируемого горгульей, он шествовал к лагерю, высоко поднимая чашу с горящим прахом, со знаменосцем за спиной. Железные Воины на его пути едва не смеялись над этим непродуманным приближением, но скоро опомнились: Драхмус хотел, чтобы его заметили, и на то была причина. Сразу же после того, как они осознали эту причину, Несущие Слово мастерски взяли их в клещи, осью которых был Драхмус.

Далеко в стороне Железные Воины, окружившие маленький помятый катер Эммеш-Аийе, увязли в адской перестрелке с охранниками корабля, шумовыми десантниками-артиллеристами. Они сражались при помощи ударных звуковых волн, от которых раскалывались доспехи и кости, и их крики раздирали плоть на уровне клеточных мембран. В разгар сражения появился сам Эммеш-Аийе, оставив свою демоническую свиту биться с элитными воинами Ходира, и проплясал сквозь ряды Железных Воинов. Он звонко смеялся, когда одна бронированная фигура за другой падала от его варп-воплей и игл в пальцах, и когда жалкие остатки противника в отчаянии перешли в отступление, он перестал себя сдерживать. Он прыгал и выкидывал коленца на выжженной земле, кромсал кожу своих рабов шипами и крючьями своего нагрудника и капал на раны и рубцы скользкими выделениями своего языка.

Таким его и нашел Кхров. Колдун сражался с Ченгрелом до патового положения: дредноут был так хорошо защищен и укреплен, и столь велика была грубая мощь воли, направляющей его, что большая часть атак, которые решил обратить на него Кхров, ушла впустую, а буйный натиск самого Ченгрела не давал ему достаточно времени, чтобы подготовить более мощные и действенные заклинания. Наконец, Кхров перевел одно из своих боевых исчислений в ложную логическую форму, обошел береги Ченгрела и попал в цель. Передние лапы дредноута превратились из металла в тонкий синий хрусталь, который тут же разлетелся под его весом. Пока Ченгрел завывал от ярости, повалившись на землю, Кхров беспрепятственно удалился.

Он не стал ни приветствовать Эммеш-Аийе, ни проклинать его. Кхров уже сказал достаточно слов, поэтому он просто метнул свой посох вниз, словно дротик, и тот вонзился недалеко от того места, где плясал слаанешит. Внезапно Эммеш-Аийе обнаружил, что увяз в чем-то, что казалось одновременно смолистой жидкостью и липкой пылью, а через миг – что погрузился уже по бедра. Увидев Кхрова, стоящего на диске наверху, он издал свирепый ведьминский вой, который сорвал бы и доспехи и плоть с тела колдуна, если бы тот не защитился от него жестом.

Теперь Эммеш-Аийе утоп по пояс и вопил от злости. Он поднял мешок с камнями душ повыше, чтобы тот не утонул, и, как Ходир до него, почувствовал, что добычу вырвало из рук. Что именно забрало камни, не смогли разобрать даже его чувства, но, когда слаанешит погрузился по грудь, он увидел, что Кхров повесил мешок себе на пояс.

И тогда, отчаянно мечась в поисках рычага или опоры, Эммеш-Аийе обратил внимание на своих рабов. Как и хозяин, они попали в ловушку и тонули, но теперь близнецы склонились рядом и положили головы друг другу на плечи. На измученных лицах обоих теперь виднелась слабая счастливая улыбка, ибо они поняли, что скоро освободятся от страданий и вместе уйдут в забвение.

Это уязвило Эммеш-Аийе сильнее, чем потеря камней. То, что он не смог запретить своим рабам-близнецам умереть с миром, вдруг показалось самым тяжким из поражений, и он со стоном и плачем попытался было броситься на них, когда земля, наконец, поглотила всех троих. Через миг они исчезли, и Кхров огляделся вокруг.

Конечно, возле его посадочного модуля тоже есть засада, но это неважно. Кхров спустился со своего корабля более прямым путем, и угловатый золоченый транспорт в его лагере был не более чем обманкой. Теперь, когда Кхров рассеял узлы силы, удерживающие корабль, тот выгнулся и исчез.

Начался рассвет, и Кхров уже видел, как огромное кольцо укреплений обретает формы при свете зари. Там и сям раздавался отрывистый крик и виднелось дерганое движение - схватка между Несущими Слово, Железными Воинами и Повелителями Ночи подходила к концу. Свиты Эммеш-Аийе не было видно: кто в панике убежал обратно к катеру, увидев смерть своего господина, кто снова растворился в варпе.

Левая рука Кхрова опустилась к мешку с камнями душ на поясе, а правая вытянулась. Миг, и посох взлетел с земли и лег в его ладонь. Больше не было причин здесь задерживаться. Колдун пробормотал слово, другое и исчез, отправившись на свой корабль с тихим громом схлопывающегося воздуха и яркой вспышкой света.

Во времена между последним разрушительным Вааагхом! Унгскара и началом Бедствий Серой крови Ченгрел из Железных Воинов построил себе дом-крепость на мире Бурджан, что в Заливе Митры. Он живет там и по сей день, хотя его властные манеры уже не совсем те, что прежде, и многие Железные Воины перестали служить ему.

Много времени Ченгрел провел, прочесывая руины мира Бурджан в поисках еще одного сокровища, подобного тому, что у него украли, ибо он уверен, что с ним сможет снова купить себе силу и союзников. Когда он плавает по кругу в своем бронированном вместилище, то по-прежнему размышляет о мести, но теперь, вместо того, чтобы желать возмездия Золотому Трону, он планирует его для легионеров, которые прибыли навестить его после тех давних приглашений и которые так жестоко, так глупо предали его.

Кхрова из Тысячи Сынов это бы позабавило, если б он об этом когда-либо узнал. Если он и господин Ченгрел еще когда-нибудь встретятся, то он, несомненно, отметит иронию.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Делайте_ставки,_господа / _The_Masters,_Bidding_\(рассказ\)&oldid=4928](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Делайте_ставки,_господа / _The_Masters,_Bidding_(рассказ)&oldid=4928)

Эта страница в последний раз была отредактирована 4 октября 2019 в 20:17.